

#1

ИЛЪЯ

РЭД

ИНВЕСТИЦИО

ИЗ МЕДИКА

В МАГИ

Annotation

Охота за информацией. Магический мир. Новое тело. Успешный студент-медик Марк реинкарнировал и попал на самое дно: он обычный крестьянин, нищоброд без перспектив. Нет мудрых учителей и нормального тела? Во всём нужна система: делегируй, распределяй ресурсы, выживай. Шпионская сеть из детей? Вмешательство в новую экономику? Медицинская практика в мире, где рулит магия? Да пожалуйста! Цинично, жёстко, хладнокровно – ведь это средневековье!

Илья Рэд

Инвестиго. Из медика в маги. Том 1

Перетаскивая обтекающие вонючей жижей трупы, мы еле сдерживали слёзы. Сопли пузырились в кратерах ноздрей, а во рту ощущалось противное жжение. Нет, мы не киллеры, не наёмные убийцы и уж точно не садисты – просто сегодня дежурство в анатомичке выпало на нас, студентов пятого курса. Если точнее – почти шестого. Мой друг Ким семенил короткими ногами, держась руками в перчатках, за голени какого-то безымянного бомжа, я же поддерживал трупак за плечи.

Нашей задачей было приготовить «Петровича» к осмотру студентами младших курсов. Мы вынули его из привычного места обитания – формалиновой ванны, где он тусовался с друзьями и их частями. Положив тело на каталку, мы обмывали его из шлангов. Формалин не шадит слизистые оболочки. Поэтому слезятся глаза и из носа льётся фонтан соплей. По сути это яд, но очень медленного действия. Чтобы снизить данный эффект приходилось вымывать труп, иначе занятие превратится в катастрофу.

– Почему сегодня запрягли именно нас?

– Может, потому что во многих группах нет парней?

Ким насуплено молчал и, чтобы он не затухал, я направил струю воды в рот нашему мёртвому другу:

– Смотри, сегодня Петрович улыбается. Его опять будут лапать.

– То чувство, когда у мёртвого больше женского внимания, чем у тебя.

– Друг мой, никогда не поздно! Бери коктейль с трубочкой и полезай в ванну.

– Спасибо, в этой жизни я хочу ещё немного пострадать.

Закончив с водными процедурами, мы накрыли тело клеёнкой сверху и повезли в четвёртую аудиторию, где препод уже насиловал ребят теоретической частью.

– Спасибо, поставьте сюда сбоку и свободны.

Сняв маски, мы отправились назад в комнату для занятий.

– Ертаев, Исиченко, спасибо, что помогли, присаживайтесь.

Наши занятия по анатомии давно подошли к концу, и сейчас своё свободное время мы коротали в данном кружке. Мы заканчивали пятый курс и прошли через многое. Большая часть фундаментальных дисциплин позади и впереди был выбор специализации, а на подумать оставался годик.

Меня зовут Марк, и я пока ещё не определился, каким врачом хочу стать, но такие дисциплины как анатомия и ОХТА¹ мне были по душе. Настолько, что ради них я жертвовал своим свободным временем. «Просирал» своё студенчество, по мнению многих сокурсников. Хотя большая часть тех, кто так говорил, уже не училась. Их отчислили. А мысль о том, что я хоть где-то расставил приоритеты правильно, иногда грела меня тоскливыми вечерами. Однако таких вечеров было мало – я всегда мог найти себе занятие и наслаждаться своим одиночеством.

Увлечение книгами затягивало ещё детства, а когда я открыл для себя научный мир, то навсегда провалился в уютную яму материализма и копал её всё глубже и глубже. Меня интересовало всё – от естествознания до философии. Те сферы, в которых я плохо разбирался, пытался хотя бы охватить поверхностно, чтобы просто иметь о них понятие. В то же время я осознавал, что всего знать невозможно и нужно выбрать главное направление, а остальные будут как ответвления – где-то короче, где-то длиннее. Выбор пал на медицину.

– Ладно, Марк, до скорого.

– Давай, бро.

Ким для меня был идеальным попутчиком в жизни. Он не навязывался, на многие вопросы имел своё мнение, был такой же прожжённый циник, маниакальный ботан и разделял мой мир тупых шутеечек. Иногда его можно было назвать полноценным другом, но это никому из нас не нужно. В случае чего я помогал ему, а он мне. Это было выгодное сотрудничество, симбиоз. Давно прошла та слащавая школьная пора, когда любой, кто поделился с тобой хавкой или сыграл в мяч/приставку моментально становился «другом». Нам по двадцать три года и крепкая гейская борьба уже не кажется чем-то плохим. Впрочем, меня занесло куда-то не туда.

«Добрый вечер, с вами автомобильный патруль и я его ведущий...»

– Передайте, пожалуйста, за проезд.

За окном маршрутки затухающий день поздней весны. Магазины выталкивали друг друга витринами, калейдоскоп людей, полотно кривого асфальта.

И когда я успел стать таким чёрствым? Где тот первый год студенчества с вечными попойками и амурными делами? Именно тогда, после разрыва одной значимой для меня связи, я пошёл на вписку и после хорошего переписхона на меня как будто снизошло озарение. Что я тут делаю? Зачем мне эти люди? Этот биологический мусор? Надевая штаны, в голове пронеслось: «Как много времени я уже потерял?». Это ощущение страха, возможность потерять своё будущее, вытолкнуло жирного гедониста из моей головы. Сколько он там сидел? Точнее лежал на софе в халате на голое тело и жрал грозди винограда прямо с пуза.

И всё же я не считал это большой ошибкой. Такие вещи раскрывают глаза. Будто камера, доселе снимавшая хоум видео от первого лица, вдруг облетела вокруг тебя, выдав голливудскую картинку в 3D.

«...выразил свои опасения по поводу запуска «Януса» – мощнейшего ускорителя... превосходящего БАК в три раза...»

Похоже, нас всё-таки ждёт какой-то прорыв в фундаментальных науках.

«...прогноз погоды.»

А не много на себя беру? Конечно, тот выбор был правильным. Оглядываясь назад, это я точно вижу, но я пожертвовал часть своей социальности для достижения цели. Важны ли были те не начавшиеся и возможные связи с новыми людьми? Не из моего круга интереса. Что бы это мне дало? Ну, это уже рефлексия и область фантазий. Думаю, не стоит продолжать думать в этом направлении. Я кремень, мать его за ногу.

Ухмыльнувшись, я попытался прижаться лицом к окну маршрутки, как это видел в фильмах, но потерпел фиаско. Кочек на дороге было так много, что я просто бился башкой о стекло. Как обычно.

Люди сновали туда-сюда. Входили. Выходили. У меня нет рентгеновского зрения, и я не чёртов доктор Хаус, но какие-то признаки плохого здоровья я могу диагностировать без аппаратуры. Цвет кожи, отёки, запах изо рта, состояние глаз, фаланги пальцев – всё это давало бесконечный поток информации о болезнях. Интересно было бы проверить тургор² кожи вон у той тётки. Интересно, она обидится, если я её ущипну? Думаю, не стоит. Видно, что у неё обезвоживание. Судя по тому, что она жирная, как мамонт, возможно подозрение на сахарный диабет. К тому же носит очки – зрение ухудшилось на фоне заболевания, кровеносные сосуды в глазах повреждены. Конечно, всё это условно и нужен анализ крови, чтобы точно знать. Какой же я, с*ка, умный.

«...на пересечении Зареченской и Мира произошло столкновение Ваз 2110 и ...»

На ум пришёл какой-то старый тупой мем, и я чуть не заорал на всю маршрутку.

Иногда мне кажется, что я схожу с ума. Интересно, другие люди также сами с собой разговаривают? Думаю да. Если вспомнить все эти многочисленные откровения в социальных сетях про то что кому приснилось или что вы чувствовали тогда-то и тогда, в таких-то обстоятельствах. Если подумать, вся это цифровизация – находка для психологов. Мы всё больше начинаем походить на пчёл.

Из-за кочки неприятно подбросило вверх.

Коллективное бессознательное. Скоро. Ведь если наши гаджеты допилить до чипов и как-то встроить интерфейс в зрение и интегрировать в нервную систему, чтобы отдавать команды силой мысли, то мы превратимся в чёртовых пчёл. Я, пчёлка номер «3108984456» буду знать, что происходит у моего собрата пчёлки в Африке. А если он даст доступ к своему стриму из глаз, то смогу даже жить его жизнью. Видеть чем он питается и с кем разговаривает. Как он срёт. Катается на машине или признаётся в любви. Это же круче любого фильма. Я могу переключаться в любой момент в глаза всех действующих лиц. Я кукловод.

Подошло время выходить, ноги направились к двери. Вдруг на секунду я провалился взглядом в темноту. Как будто меня засосало в космос, где одна пустота. Из этого состояния меня потихоньку выдернуло назад, уши заложило, зрение вернулось, но вокруг вода, нет, вроде воздух, но слышно всё как под водой.

– Ты что, пьяный?

Меня резко вернуло в привычное состояние. Сердце колотилось. По виску пробежала капелька пота. Видимо я отрубился на пару секунд и, почти упав, задел диабетическую тётку. Та оттолкнула меня.

Поток воздуха ударил в лицо. Что это было? Скачок давления? И время будто замедлилось. Перекинув сумку за плечо, я шёл домой по привычной дороге. Какой-то симпатичный миниатюрный пёсель остановился возле меня, высунул язык. Хвостик как метроном отсчитывал туда-сюда. Глазки тёмные-тёмные. Как что? Как... что-то с ним не так.

Внешне всё нормально. Собака как собака. Я в них не разбираюсь, может, все они так смотрят? Стоп. Я же уже прошёл мимо неё? Мои ноги шагают – это я точно знаю; собака стоит на месте, так почему я постоянно на неё смотрю? Меня возвращает назад? Или это просто головокружение? Надо расстегнуть воротник, приток воздуха, быстрее.

Положив указательный и средний палец на пульс, я вдруг мысленно замер. Наступила стерильная тишина в голове. Пёс продолжал дышать, высунув язык. Я слышал где-то, что это нужно для теплообмена. У меня не было пульса. Глаза расширились. Я продолжал идти. Огибал столб и возвращался обратно. Пульса нет. Я мёртв?

Послышался детский плач, наверное, где-то ребёнок споткнулся. Упал и поцарапал ножку. Как когда-то все падали в детстве.

Я повернул голову, чтобы оценить рану и тут собака громко загавкала.

– Отойди от собаки, ты что, обдолбался там?

– Ч...то? – пересохшим голосом ответил я.

– Стоишь, пялишься минут пять. Приход словил? Я сейчас позвоню куда надо!

На меня выплыл какой-то боевой дед с чесночным амбре. Что-то продолжал голосить прямо у лица. Беззубый рот шамкал с возмущением и капелька его слюны залетела мне на

висок. Я медленно вытер её пальцем и мир звуков опять захлестнул.

– Простите, мне надо идти, отличный пёс.

Ватными ногами я перелистывал плитку всё быстрее и быстрее. Перешёл на бег. Остановился. Пульс есть. Может это расстройство психики? Но предпосылок не было – гигиена труда всегда была идеальна, а социальный интеллект не настолько низок, чтобы загоняться негативной саморефлексией.

Зазвонил телефон. Экран высветил синим – «Мама». Как не вовремя. Я потянул телефон к уху, чтобы принять вызов и поднял глаза на горизонт. Девятиэтажных зданий больше не было. Ближайшая железная урна позвякивала пустой стеклянной бутылкой.

– Сынок...

Лопнула лампочка на фонаре. Осколки полетели мне под ноги. Я повернулся к витрине какого-то бутика, что впаян в дом, и не увидел своего отражения. Стекло лопнуло. Прикрывшись рукой, я перевёл взгляд обратно. Резкий толчок. Темнота. Схлопнулась. Пустое ничто. Это конец?

* * *

Идеальное состояние. Полный покой и безопасность. Растворяясь в нём, я пока не родил ни одной мысли. Не хотелось вообще как-то напрягаться и что-то делать. Это похоже на воспоминания из детства, где я бегал с мячом, запах скошенной травы, багряный разлив заходящего солнца и дома бабушка с мамой напекли пирогов с грушевым вареньем. стакан свежего молока... Я не помню этот вкус – ни пирогов, ни молока. Вообще странно. А ещё я забыл запах сена. Всё так плавно вокруг, сопротивления нет. Я расслабился, но ненадолго.

Если сейчас крутятся образы, значит я мыслю. Если мыслю, то жив. А если жив, то где я? Я помню взрыв витрины, осыпающиеся стёкла со столба, звонок матери. Та странная чернота. Что это было? Моё расстройство психики? Тогда как объяснить физические воздействия? Я чувствовал эти осколки. Тактильные, звуковые, проприоцептивные галлюцинации³ – многовато что-то для ещё недавно здорового студента.

Ладно, разберёмся с этим потом. Пока вопросов больше, чем ответов. Итак, что мы имеем на данный момент? Я не получаю никакой зрительной информации, слуховой тоже – хотя что-то такое приглушённое достигает до сюда – шум воды, стук. Вкус тоже сохранился, но он какой-то странный. Местами солёный, где-то сладкий, больше кислый и горький. Голову как будто раздрает от какофонии вкусов на рецепторах.

Что касается давления извне – оно тоже присутствует. Тактильно ощущаются вибрации. Может быть, меня госпитализировали и сейчас я на аппарате жизнеобеспечения? Зрение и слух пострадали, но в остальном я скорее жив, чем...

Что-то сильно дёрнулось. Мне стало хуже? Везут на операцию. Да, скорее всего. Какой-то громкий звук снаружи. Не разобрать и язык какой-то странный. Опять толчок. Меня поджимает в ногах. Давление нарастает. Видеть бы, что происходит. Чёрт. Да что происходит? Меня куда-то тянет. Вниз головой. Резкий удар. Уронили? Да, меня уронили. Громкий протяжный крик, женский. Это мама? Нет, не очень похоже. Пространство вокруг начало сужаться. Что за херня? Я не хочу! Стоп. Это ветер? Я чувствую ветер кожей головы, самой макушкой. Я что лысый?! И на голове какая-то слизь.

Меня плавно тянуло вниз под аккомпанемент глухих женских криков. И тут я услышал их очень звонко. Почувствовал воздух на своём лице. Толчки продолжались, и чувствительность всего тела возвращалась понемногу. Будто я был в тюбике и меня выжали. Когда я вышел полностью, раздался кашель и первый вдох. Пахло тухлятиной. Тухлой рыбой.

Когда моя нервная система заработала в полную силу, я понял. Это не моё тело. В мозг поступает проекция о гораздо меньших размерах. Сейчас я не больше какой-то мелкой собачки. А всё, что было до этого – роды. Шум воды – это кровь биологической матери, стук – её сердце. Вкусовые раздражения – околоплодные воды. Невозможность дыхания заменялась плацентой, а сейчас мои лёгкие точно качали воздух. Мышцы слабы, не могу даже шеей двигать, а глаза увидели свет, всё мутно. Какой отвратительный запах, боже. Я так беспомощен.

А ещё голоса, много голосов, и мы на улице. Странно, кто в наше время сейчас рождает на улице? Это же антисанитария. Это звук фыркающей лошади? Что-то посыпалось, упало, звон металла, смех. Похоже на рынок. Я лежал на спине. Еле виднелась синева – это небо – и что-то наполовину загораживающее зрение. Перекладина. Скорее всего, доска или что-то такое. Если это рынок, то логично, что я под прилавком. Рыбным, мать его, прилавком. На земле. Весь в каком-то липком говне.

Женщину больше было не слышно. Живот оттягивала пуповина. Никто вокруг не хлопотал, как это бывает при родах. А значит, всем наплевать. Муха села на лоб. Даже смахнуть не могу. Чёрт. Почему никто не подходит? Она же так кричала. Я что в какой-то нецивилизованной стране?

Точно. Я же не сказал, точнее не прокричал, ни звука. Даже если они бессердечные варвары, они не знают, что я живой и думают, что бедняжка отмучилась. Я не смогу долго прожить на холоде и на полу. Даже если пуповина сама отсохнет через неделю, я умру от воспаления лёгких. Та женщина, что меня родила, мертва и уже не может помочь. По-человечески её жаль, но если мыслить категориями психики старого тела – я недостаточно к ней привязался, не прикипел. Большого сожаления не было. Настоящая мать не здесь. Нужно привлечь внимание плачем. Если я так родился, считай заново, то как же моя семья? Мать, отец? Что со старым телом? Она получит какой-то звонок из морга или как это всё будет происходить?

Я помню черноту, пожравшую девятиэтажки, и массовые разрушения. Взрыв? Но была бы ударная волна и цветовая гамма другая. То явление шло из-за горизонта. Оно было очень быстрым, буквально секунды. Где-то за десять минут до мне стало плохо. Всё ли хорошо дома?

Надо выжить. Сейчас не об этом стоит думать. Я родился в каком-то дрянном месте, на самом социальном дне, на рынке, под рыбным прилавком, весь в кишках и в пыли.

Раздался громкий детский плач.

Сейчас я нахожусь в укрытии. Я получил свою порцию грудного молока, а с ней и иммунитет. Это была уже другая женщина. Скорее всего, специальная кормилица. Я не помню, касался ли я кожи биологической матери или нет, но большую часть микрофлоры я получил не от неё.

Прошло около недели и мне не сделали БЦЖ⁴, а значит здравоохранение здесь либо не развито, либо слабый контроль за рождаемостью. Учитывая тот факт, КАК я родился, скорее первое. Если людям настолько насрать на роженицу, значит понятия морали совсем не те, что были при первой жизни.

Вокруг постоянно всполохи движения. Моё зрение адаптируется только на второй месяц, и тогда смогу точно понять, где я. Пока воспринимаю всё на слух. Я точно не один ребёнок здесь. Детские голоса, и довольно много, говорили на непонятном языке. Интересно, смогу ли быстро его выучить, имея сознание взрослого? У меня есть опыт из предыдущей жизни – огромное количество информации – где оно сейчас хранится? Как выглядит сейчас мой мозг? Если я свободно мыслю и апеллирую прошлыми понятиями, то должны быть те же синапсы – откуда они появились на физиологическом уровне? Моё сознание проснулось только на период родов, значит в пренатальном периоде (до рождения) происходила не иначе как оцифровка моего сознания на новый носитель в течение девяти месяцев.

Ещё остаётся вопрос – как быстро я смогу усваивать информацию «молодым» мозгом? В частности местный язык. Ведь известно, что взрослым труднее с этим. Могу ли я считать себя взрослым? Чёрт, с каждым вопросом всё больше неопределённости.

Вообще, непривычно так лежать целыми днями без физической и умственной активности, но ничего не поделаешь. Если так подумать, мне нужно терпеть до времени пока я не смогу свободно общаться и ходить, чтобы объясниться с местными. Нужно будет узнать страну проживания и как-то через местные власти выйти на связь со своими родными. На это точно уйдёт года два-три минимум. Представляю, что там дома творится. Я пока не понял, взрыв это был или другое воздействие. Слишком мало данных – если та область была вся разрушена, то жертв было много.

Я вспомнил, что многоэтажки практически до горизонта были разрушены тёмным полотном в секунды. Однако это был другой город. Мои родные проживали очень далеко от меня.

Ким погиб – пронеслось у меня в мозгу. Как жаль. Больше пяти лет знал его. Странно, я же до этого вообще никого не терял в жизни. Все мои родственники, кроме одной бабушки, были живы до сих пор, и, надеюсь, ещё столько же проживут. А теперь я потерял близкого человека. Я видел смерть и не раз. Там, в прошлой жизни, часто с ней сталкивался, будучи практикантом в больнице и работая помощником дежурного врача скорой помощи.

Те смерти ничего не значили для меня. Больше жалко живых. Молодую жену или старенькую мать в слезах, потерявшую взрослого ребёнка или мужа. Такие сцены всегда тяжелы, но оружие врача – ум, и он должен оставаться острым. Если распустить сопли, как баба, и пойти работать дальше, это скажется на результатах. Нужно уметь отбрасывать на время эти эмоции. Однако после, наедине с собой, они «догоняют» тебя. От того врачебный алкоголизм так распространён. Первое время сильно ранит, потом меньше и как будто

издали, но к некоторым вещам никогда не привыкнуть, какая бы человек ни была живучая скотина. Точнее его мозг.

Всё это на ментальном уровне расстроило меня, и физическая оболочка тут же отреагировала.

Боже, я реву как последний сопляк, но я сейчас и есть сопляк. Нет, я кремень! Почему же тогда глаза на мокром месте? Предательское тело захотело эндорфинчиков, чтобы сгладить негатив.

Меня подняли на руки и дали сиську. Кто-то прыгал рядом и заглядывал мне в лицо, очевидно другой ребёнок. Потом подули на затылок и засмеявшись убежали.

Да-да, играйте со мной, я ваша игрушка, пуси-муси.

Тут я перестал сосать, и женщина вопросительно склонилась ко мне, но я тут же возобновил процесс – телу нужен строительный материал.

Я получил первый ответ на один из вопросов. Я отреагировал на негативные мысли плачем, в своём роде защитным механизмом, а значит, часть процессов идёт через призму физиологии новорождённого. Отсюда предположение, что я всё-таки смогу быстро выучить новый язык и вообще быстро усваивать новую информацию. Если это так... Ладно, пока оставим это – я заплакал только второй раз на неделе. Первый раз был для привлечения внимания при рождении, а сейчас при плохих воспоминаниях. Стоит ли это делать чаще, чтобы не вызывать подозрений, и с какой периодичностью? Думаю, не стоит сильно надоедать здешним взрослым – неизвестно, что будет, если их сильно разозлить. Условимся делать это только как напоминание, что я голоден. Уверен, мой поставщик молока отнесётся к этому с пониманием.

Я срыгнул. Маленький ублюдок замарал этот идеал женской красоты, как на глаза теперь показаться? Хотя я же ребёнок и уже обсираюсь как неделю. Фух. Это не считается.

Когда окрепнут сфинктеры, надо будет перестать использовать свой говномёт без предупреждения. Короче, голодаю или хочу кака – плачем. Гениально и просто.

Сейчас дохаваю и отрублюсь – это единственное средство борьбы со скукой. Пока не могу контролировать свои позывы на сон, да и не нужно это. Если подумать, то каждый день ухожу на гибернацию часов на восемнадцать точно. Интересно, много ли энергии я трачу сейчас на мысли в этом теле? Я же столько «сжираю» сейчас нейромедиаторов⁵, что жуть просто, а разгрузки в виде двигательной активности нет. До этого я буду спать как сурок, может даже больше двадцати часов.

Дайте только подрасти, мышцы, зрение получше и...

Я заснул.

* * *

Прошло две недели, с тех пор как я получил опеку. Зрение пришло в норму, и я смог увидеть и анализировать окружающих. Моя кормилица – полноватая женщина с родинкой у щеки, огрубевшими от физической работы руками и тёплым грудным голосом. Для понимания речи пока мало информации, но пару местоимений и своё имя я уже выучил – Гург. Звучит как отрыжка кота, но со временем можно внедрить в употребление своё настоящее имя, а это недоразумение оставить в прошлом.

Местное наречие было сродни индоевропейской языковой семье. Из этого ответвления мне знакомо пару языков на отлично и ещё один посредственно. Также, я знаю частично латынь, а это существенная часть италийской ветви. С этим проблем не должно быть – главное практика и находится чаще возле тех, кто разговаривает.

Моё место проживания подробно изучить пока не получилось. Если поднимали на руки, то только чтобы покормить и никуда не выносили. Комната была яслями, где виднелись и другие маленькие кровати. Сейчас я был единственным младенцем здесь. Простые, без изысков, стулья, стол, за окном виднелась зелень, очевидно местный сад.

Одежда всех посетителей отличалась от привычной – не было ни джинс, ни кроссовок, ни футболок. Женщины носили удобные и практичные платья и обувь типа балеток, но с подошвой гораздо толще. Из-за жары ребята покрывали голову банданами, а девочка и кормилица платком.

На меня часто забегали поглазеть другие дети, пока не видят взрослые. Они становились кругом и свешивали свои головы через поручни кроватки – тогда то я и успел их рассмотреть.

На вид от шести до девяти лет. Четверо ребят и одна бледноватая маленькая барышня – самая старшая из них. Они часто повторяли моё имя. «Гург! Гург! Гург» – и смеялись. Чтобы их повеселить, я театрально пускал слюни. Раздавался пронзительный визг детского смеха, и вот уже шаги взрослого направлялись в ясли, а детвора, прыкая и топоча босыми ногами, убегала прочь.

Электричества здесь не было, но в часы ночных кормлений я видел на столе квадратный светильник со стеклянными дверцами. Очень похоже на старые керосиновые лампы, только светит намного ярче. Редко получалось его рассмотреть получше, так как няня сидела спиной к свету, чтобы мне не било в глаза.

В часы бодрствований я строил планы и предположения, прогонял в уме старые знания, чтобы не забывать, со скуки делал математические упражнения – возводил в квадраты, перемножал двузначные и трёхзначные числа, делил, отнимал, составлял таблицу умножения после девяти и так далее. Без фанатизма, просто чтобы не прокрастинировать.

Как и планировал, я не доставлял неудобств взрослым и мои пелёнки практически никогда не были грязными. Стоит начать требовательно кряхтеть и кричать, как кто-то из карапузов уже бежал с донесением. Приходила кормилица с судном и я делал свои дела. Частично из-за этого отношение ко мне было теплее.

Один раз пришёл бородатый черноволосый мужчина и о чем-то разговаривал с временной матерью. Его одежда отличалась – с виду богаче и ткань качественнее. Рубашка и пиджак, нет, скорее сюртук, цепочка на шее. Проблемы с печенью – желтуха, склеры глаз и кожа характерного цвета, немного зеленоватый оттенок, похоже механическая. Возможны камни в желчных протоках. Ему бы перестать есть жирную пищу, копчёности, яичные желтки, алкоголь и соли поменьше.

Но я мог лишь упражняться в диагностике и оставаться наблюдателем. Плохо быть исключённым из системы обмена информацией, да и не факт, что он послушал бы ребёнка. Помощь не всегда способна дойти до страждущих. Спасти всех и каждого – это идиллия для тугоумных, мечты наивных дев. Это даже не скептицизм, а здравомыслие. Да и само человечество никогда не хотело иметь качественное лечение. Об этом много и часто говорят, но что толку? Достаточно просто посмотреть на потоки ресурсов, в данном случае – денег. Куда идёт приоритет? Военка, политика, сфера развлечений...

Даже если брать жизненный ресурс врача – работа до переутомления не сулит ничего хорошего. На длинной дистанции тот, кто не износится раньше, принесёт больше пользы, но это уже вопросы деонтологии⁶, гигиены труда и кадрового планирования.

Сидит тут великий младенец, прикроватный политонолог – внутренний собеседник

усмехнулся и посмотрел на всё это со стороны.

Моя жизнь началась заново. Она не была до этого плохой, скорее образцовой, и даже нравилась. Обстоятельства повернулись так, что я теперь в теле новорождённого и жизни дан новый старт. Я не могу повлиять на ход событий, но могу их принять и двигаться дальше. Нужно заниматься тем же, что и раньше. У меня есть запас знаний и стремление реализоваться. Будем считать это подарком – считай лишние двадцать три года жизни. Вернусь к родным, всё заново пройду и вклинюсь в привычное русло жизни.

Возможно, меня будут изучать как научный феномен переноса сознания. Чем оно является тогда – душой, совокупностью информации? Если второе, то оно не просто лоскуты знаний, а данные психики, воспоминаний, навыков, образа мышлений – как человеческая операционная система с огромным числом уровней и надстроек, а биологическое тело как удобный носитель и проводник воли.

Здание, где я находился, навряд ли детский дом. Слишком мало постояльцев для этого. Униформы священнослужителей тоже ни на ком не заметно. А дети такие разные, что нет сомнений – они не родные братья и сестры. Это подобранные сироты, потерявшие родителей в силу тех или иных обстоятельств. Осталось только выяснить мотивы здешних хозяев и решить – остаться ли тут до достижения дееспособности или покинуть это место как можно раньше.

* * *

Наступила осень. За три месяца я научился понимать речь окружающих процентов на тридцать. Не знаю, как это получилось – прошлый я потратил бы на это года полтора точно. Видимо, новый организм лучше усваивает инфу. Мне иногда читали сказки на ночь, и остальные дети тоже часто крутились вокруг и разговаривали друг с другом. Место, где я находился, называлось Ваабис. Что это такое – я так до конца и не понял.

Ещё часто слышал слово «Рилган» – видимо, это название города или области. Страны с таким названием я точно не помнил – с географией, в своё время, были хорошие отношения.

Это не церковь, но, возможно, какая-то благотворительная организация или – если мои опасения подтвердятся – маленький религиозный культ. Часто я слышал как Лавия – так звали кормилицу – что-то шептала, стоя ко мне спиной, когда зажигала лампу. Молитвой это сложно было назвать – слишком уж коротко и быстро всё происходило, а те отрывки, что я смог уловить, лишь отчасти напоминали латынь.

Я заочно познакомился со всеми детьми. Муримий – кучерявый мальчуган лет шести, серые глаза, худой и со странными для его возраста густыми бровями. Думаю, повзрослев, он трансформирует их в одну. Бефальт – пухлый, с какими-то странными волосами «ежиком». Пару раз он просовывал свою голову и давал их потрогать – поразительно! Они торчат как будто щётка и, если попытаться прилизать их, то они снова возвращают свою форму.

Он очень шумный и больше всех хохочет, также он самый грязный из них. Я не знаю, куда тут смотрят взрослые, но его ногти как у землекопа, а нос вечно в соплях. Да, это признак того, что иммунитет работает исправно, но ведь это негигиенично! Просто маленький свин.

Более скромный чем остальные – Коррус. С виду умный мальчик с зелёными глазами, возраст около шести-семи лет, немного худощавый и бледноват по сравнению с тем же загорелым Бефальтом. Мало говорит, но видно, что остальные прислушиваются к нему. Возможно, неформальный лидер этой компашки. Предпочитает больше наблюдать, чем действовать.

Микульп – местный человек-трагедия. Каждый раз он что-то разобьёт, либо Лавия на него кричит за какие-то проделки. Рыжий мальчик с карими глазами, самый низкий из всех. Немного заикается и волнуется, когда говорит, видимо, боится, что над ним будут смеяться. Бефальт его иногда поддевает, но не со зла, как это обычно делают эгоистичные и избалованные дети, а по-доброму, так что и сам Микульп расплывётся в широкой улыбке, глядя как остальным весело. Похоже, что он младше, но его приняли в компанию и видно, что он дорожит друзьями. Кстати, именно Микульп больше всех сторожит мою кровать и доносит кормилице о критических моментах. Хороший мальчик, но видно, что привязчивый, возможно, ранимый.

Если Коррус был неформальным лидером, то Найша обладала очень большой властью над этой четвёркой. Девочка была старше всех, лет девять точно. Я видел как она помогает Лавии убираться, мыть полы, носится туда-сюда с тарелками. Думаю, если бы я был обычным ребёнком, то она нянчила бы меня в отсутствии взрослых. Однако, я джентльмен и не позволю даме носить тяжести. Буду молчать. Правда, она видела мои какашки, так что у нас ничего не выйдет.

Я представил, как в подгузнике держу Найшу за руку среди пальм, позади нас шезлонги и пара кокосов на песке, вдали багровеет закат. Опершись спиной о пальму, чернокожий саксофонист журчит нежными нотками джаза. Шум моря.

– Дорогая, если ты скажешь нет, то моё сердце навсегда останется здесь, как этот песок.

– Но тебе всего три месяца, когда ты вырастешь, я уже буду слишком стара для тебя.

– Ах, замолчи, глупая женщина... Ты не понимаешь каково это – умирать в неге любви...

Саксофонист всё играл и играл, усиливая эту боль.

– А помнишь, когда я в первый раз показал тебе пузырь из слюней?

– О да, – улыбнулась Найша. – Тогда ты ещё не был так испорчен.

Мы кинули взгляд на волны, покрытые пеной.

– А ты всегда была и останешься очаровательной.

– Марк, ты меня смущаешь.

– Ты назвала меня Марк... впервые, – произнёс я с содроганием сердца.

– Да, я знаю, что «Гург» тебе не нравится и...

Саксофон заполнил всю пустоту, маэстро страстно выдувал воздух в мундштук, тело извивалось, пальцы скользили по клапанам, испарина бороздила лоб музыкального творца.

Я обернул своё тело в подгузнике к нему, так как мышцы шеи ещё не окрепли достаточно.

– Блин, ты можешь играть где-то в другом месте? Я ни черта не слышу!

Картина куда-то размылась. Мда, я, наверное, совсем того. В любом случае, с местными красавицами не стоит ничего такого мутить.

«Меня посадят», – пронеслось в голове. Я не испытывал какого-то влечения к женщинам – вероятно, до полового созревания с этим будет туго, если совсем никак. Физиология просто-напросто не даст такой возможности.

Найша была хорошей девочкой со светлыми волосами, расторопная, с умными синими глазами, с миниатюрным носиком и линией губ, кожа бледновата, а в местах ближе к слизистым – с лёгким красным оттенком вокруг носа и глаз. Она строгий начальник, и если кто из шпаны нашкодил, то получал от неё на орехи, но, в случае чего серьёзного, она прикрывала бедолагу от неприятностей и взрослых. Её уважали и боялись, только Бефальт

иногда прощупывал почву на предмет слабину и пытался что-то оспорить или отказаться от работы, но всегда безуспешно. Маленькая хозяйка знала подход к каждому, и за это остальные ребята за неё заступались.

Обычно дети бывают очень эгоистичны и жестоки в своих поступках, но эта компания нравилась мне. Что же им пришлось пережить, что они так рано стали осознанно себя вести?

Сейчас Микульп, Бефальт и Коррус сидели на кровати напротив и играли в какую-то разновидность шашек. Я стоял в своей кроватке и держался за прутья, ловя взглядом каждое движение и слушая разговор. Нужно было пополнять словарный запас и искать больше информации про это место.

Кстати, раз уж вспомнил Найшу – очень повезло, что в прошлом теле не было длительных романтических отношений в момент переноса сознания. Я бы места себе не находил, а моя пассия так подавно. Не факт, что я умер, может это был просто перенос сознания в другое тело.

А если это обмен? То сейчас моё взрослое тело с сознанием ребёнка?

Я мысленно сделал фейспалм, представив все последствия такого хода событий. Исключение из ВУЗа, опека матери, увидел, как его кормят с ложечки, как он учится заново говорить и ведёт себя как овощ. Бррр. Я вздрогнул.

– Чего это он?

– Не знаю, может ему холодно?

– Стоит всё время и пялится.

Коррус внимательно на меня посмотрел.

– А вам не кажется странным, что он вообще не плачет кроме тех случаев, когда хочет есть и в туалет?

– А ты хочешь убирать его какашки, Кор?

– Я подложу их тебе в суп.

– А я расскажу тёте Лав, что ты делал тогда в поле...

– Тихо ты, заткнись, – кажется, впервые за всё время Коррус действительно напрягся.

– А что он делал?

– Не твоё дело, культяпка!

– Беф, только попробуй и я расскажу то самое.

– Кор, так нечестно! – Бефальт ткнул брата кулаком в плечо.

– Ещё как честно, – мальчик тоже ткнул кулаком в ответ, потом Коррус обратился к Микульпу. – Извини, это секрет Мик. Никому не говори, хорошо?

– Ладно, – великодушно махнул Мик. —Только потом обязательно расскажи, я первый!

– Хорошо, – губы Корруса слегка приподнялись.

– Твой ход, дурачок!

– Заткнись, я и так знаю, дай поду...

Я сел на пятую точку. С недавних пор мне удаётся держать равновесие. Вообще, сидеть и стоять я должен был с пяти-шести месяцев, но организм развивался немного быстрее. Скорее всего, сознание сильно повлияло на процессы роста и развития. Нужно быстрее переходить на вербальное общение. Может, если сильно захотеть и сконцентрироваться на этом желании, то сигнал пойдёт всему телу? Постнатальный онтогенез⁷ подвержен влиянию извне, а можно ли считать собственное сознание как один из таких факторов? Своим нетерпением я включаю скрытые в теле процессы... Какая-то мистика. Эмоции могут влиять

на нас, но не до такой же степени?

За окном пошёл дождь. Кстати, я до сих пор не увидел ни одного мобильного или другого устройства связи. Все, кто сюда приходил, ими не пользовались. Даже если здесь нет электричества, то не факт, что во всём городе также. Рилган, значит. Странно всё это. У нас и в отдалённых провинциях была возможность выйти в интернет или хотя бы позвонить.

– Анпа!

– Опять ты победил, нечестно!

– Всё честно, сегодня ты убираешься вместо меня.

– Там же дождь, куда ты пойдешь?

– Не твоё дело. Уберите здесь всё, я пошёл.

– Аккуратней там.

Коррус, помахав рукой, вышел. Я скосил глаза на окно. Там во всю лил дождь. Интересно, куда это он в такую погоду? Маленькими пальчиками я сжимал деревянную игрушку. Это был круг с нарисованным солнцем внутри. У него было лицо и лучи в форме щупалец во все стороны. Глаза широко открыты и их радужка, как панцирь улитки, располосована линиями. Брови как будто в удивлении подняты вверх, подбородок и губы жирные. Из одного глаза капает слеза. Такая жуть. Боже, я будучи взрослым, обосрался бы, увидев это в темноте. Оно пялится на тебя как неживое, без эмоций. Поверхность круга поцарапана. Где-то я раньше видел такое солнце. Да. Это рисунок славянского солнца. Древнерусского.

С тех пор, как принесли Гурга, у Найши прибавилось дел. Их деревня Альгус находилась в пяти километрах от столицы региона Ваабис. Они боролись за жизнь по соседству с горным хребтом и раскинувшимся у его подножия лесом. Найша помогала в хозяйстве с огородами и ухаживала за животными, когда Лавия не могла со всем справиться сама. Этим она хотела отблагодарить приёмную мать за доброту, правда называть её так она пока стеснялась.

Она знала, что лорд Ваабиса платит деньги тем, кто забирает к себе в семью беспризорников. Деньги в Альгусе были всем нужны, и если этим она может помочь тётё Лав, то пусть так и будет.

Родители Найши умерли во время эпидемии в одной из горных деревень. Её нашёл столичный квонун во время осмотра владений. С ним был доктор и целый отряд всадников. Найше тогда было пять лет, но она навсегда запомнила, как ехала верхом на лошади посланника короля. С красно-белым знаменем и изображением горы, извергающей пламя. Было тихо.

Алый мазок на небе, свежий воздух, топот копыт, слева лес и горы, а справа бескрайнее поле. Она крепко держится за гриву. Когда начало темнеть, они добрались до Альгуса и Найшу отдали на попечение Лавии. Её осмотрели, приласкали, помыли, причесали, дали еды, показали где спать и только добравшись до кровати, она вспомнила, что произошло.

Пролетели четыре года, и у неё появились друзья. С самого начала был только Коррус, потом к ним прибился Мик, появился Мур и последний – Бефальт. Они стали её новой семьёй. Кор из них самый спокойный, а вот Бефальт – его полная противоположность. Мик хороший мальчик, но его настроение всегда зависит от других ребят. Куда они, туда и он. Всегда верный друг и – как говорит тётя – несамостоятельный. Мур был прямолинеен и прост – если ему что-то не нравилось, он так и говорил и этим часто злил тётушку, но, когда он хвалил или высказывал своё одобрение, она всегда сияла от удовольствия. Особенно, если он перевозносил её наряд или стряпню. Наверяд ли Мур делал это специально – просто так получалось, а так он чаще молчал и наблюдал за остальными, что-то себе фантазируя. Её брат был довольно замкнут.

Также к ним добавился ещё и Гург. Тётя не сказала, откуда он взялся и что произошло с его мамой и папой. Найше и не нужно этого знать – достаточно того, что он здесь. Малыш подслеповато стрелял синими глазками. Открывал и тут же закрывал. Тётя сказала, что дети плохо видят когда рождаются, но Найше показалось, что он ищет взглядом тех, кого слышит. Он цеплялся ручками за одежду, как-то странно гладил кожу тёти Лав, когда она кормила его грудью, будто на ощупь пытался что-то понять. Наверное, малыши все такие любопытные, ведь до этого они были только в животике у мамы – это ей рассказал сын кузнеца – Аста, а он узнал от своего дедушки. Поэтому когда женщина беременна, её животик такой большой.

Найша стала присматривать за Гургом, чтобы дать тётё побольше отдохнуть. На удивление, он был очень тихим, хотя тётя предупреждала, что он будет много кричать и писаться. Он, кстати, совсем не писается. Ну, то есть, он ходит в туалет, но подзывает криком когда хочет или бьёт рукой по прутьям люльки. Тётя никак не нарадуется, что ей меньше стирать вещей и что Гург такой умный. Раньше она называла умным только Корруса. Тот сначала немного дулся на Гурга, но потом тоже стал его любить и даже не давал Бефальту

доставать малыша своими проказами.

Гург с ними уже полгода. Зима была на удивление очень спокойной и им всегда хватало еды, а если не было, то тётя надевала своё самое лучшее платье и уезжала в город с дедушкой Мио, и вечером приезжала с большими свёртками вкусностей и с деньгами. Лорд семьи Анарика всегда помогал тётушке, и она рассказывала о нём много хорошего. Что он не только даёт деньги бедным, но и ещё убивает всяких чудищ в лесу, чтобы они не нападали на жителей, что он дружит с самим королём Рилгана, что он очень умный и знает не только язык фанза, но ещё и горима и маншу, что очень редко встречается. Он много читает, у него библиотека как их дом, а книги тянутся до самого потолка. Лорд очень сильный.

Когда Найша станет старше (а это будет совсем скоро – на следующей неделе), её сосуд пополнится на несколько единиц и она сможет помогать тёте не только с кормлением животных и уборкой дома. Ей доверят сушить одежду, разводить костёр в печи, поливать сад и даже носить большие тяжести и многое другое. Лавия сильно устаёт. Детей шесть, а она только одна. Когда у неё заканчиваются силы, ребята помогают вручную с тем, что она не смогла закончить. Она при этом всегда выглядит виноватой и говорит что, к сожалению, её сосуд мал и на долго не хватает, но с такими помощниками они точно хорошо заживут. Ребята после ещё долго ходят важные. На то они и мальчишки, что глупые.

Гург потихоньку начинает говорить. Это так мило. Он коверкает слова, например Найша он говорит как Нащця или Муримия называет Муммий. «Сам ты муммий», – говорит Мур и все просто падают со смеху. Тётя Лав, когда Мур что-то не так сделает, говорит ему: «Какой же ты Муммий».

Мальш выучил ещё много слов – он знает: «дай», «отойди», «гашок» (это он так горшок называет), «кушать», «хочу», «ручки» (хочет чтобы его поносили) и много других слов. Иногда он складывает целые предложения! И когда они слушают или улыбаются ему, он смотрит на них как на каких-то тупиц. В такие моменты он очень смешной.

Гург мало играет – если они ему что-то дают, он долго рассматривает это и, потеряв интерес, отдаёт. Он не бросает, а держит пока не заберут. Он долго рассматривал деревяшку, что для него вырезал дедушка Мио, но и она ему надоела.

Наступил десятый день рождения Найши! Тётушка подарила ей новое платье, а ребята принесли много вкусной кишимицы – для этого они тайком сходили в лес. Их потом отругали, зря они так, ведь в лесу очень опасно. Она сказала им, что ей понравился подарок, но чтобы они больше так не делали. «Ладно они, у этих мозг как у кромушей, но ты-то, Коррус?» – спрашивала тётя, а Кор что-то промямлил и замолчал. «Ну ладно, садитесь за стол – я привезла вам сладостей из Ваабиса». Все тут же повеселели и налетели на угощение. Небольшой кусочек вкусного тортика дали и маленькому Гургу. Тот жевал, а потом как поднимет высоко брови, но не выплюнул – понравилось.

К нам зашёл дедушка Мио – подарил красивый платок, ещё заходил Аста. Неловко сунул подарок и куда-то убежал. Тётушка хотела его тоже угостить, но не успела. Аста подарил отделанный узорами деревянный гребешок. Он был в форме женщины-амбиса. Её рыбий хвост заканчивался зубчиками для расчёсывания. Как же долго он её вырезал? Надо будет сказать спасибо и вообще он зря убежал – торт был очень вкусным.

Найше добавилось целых пять единиц! Она теперь многим поможет тётушке. Когда это узнали, то попросили показать. У всех на глазах она создала небольшой шар воды, держа его в воздухе.

Раньше она могла только одну капельку сделать за весь день, а теперь вон какой шар! Все

были очень удивлены, ведь обычно дают одну или две единицы. Рассматривали шар, говорили какие у него хорошие размеры, а Найша может целых пять таких создать! Ну, пять это чересчур, но два точно.

– Теперь я тоже буду разводить пламя в печи.

– Да, только не спали нас, пожалуйста.

– Бефальт.

– А что я? Я молчу. Сказать нельзя?

Она положила руки на головешку дров в камине и создала огненный шарик. Он сильно разжёл огонь, но потом пламя успокоилось, и дерево приятно затрещало, распространяя тепло по комнате.

– Здорово, вот бы и мне так же, – Мик мечтательно положил подбородок на руки.

– Тогда тушить бы пришлось всю деревню.

Тут уже все улыбнулись. Да, Микульп был очень неуклюжий. А когда волновался, то пиши пропало.

Среди общего веселья молчал лишь один Гург. Он смотрел на руки Найши с открытым ртом и удивлёнными глазками.

– Что, тебе понравилось? – Найша подошла к его мягкому креслу и присела. – Смотри, что теперь может твоя сестрёнка.

И Найша опять создала водяной шарик, но гораздо меньше – сосуд почти пуст. Гург протянул к нему руку и пальцем ткнул внутрь. Потом достал обратно и посмотрел – убедился, что палец мокрый. Потом резко ударил ладонью по парящей воде. Та расплескалась по полу.

– Ищцо.

– Смотри как теперь тут мокро. Зачем так сделал?

– Ищцо!!!

Ребята удивлённо обернулись.

– Ничего страшного, я уберусь сейчас. Я сделаю ещё раз, но ты обещаю, что не будешь больше так делать, хорошо?

Гург кивнул. Найша создала третий шарик, а малыш всё смотрел и смотрел, потом он произнёс одно единственное.

– Как?

– Наверное, он какать хочет?

– Нет, – тётя Лавия вдруг встала со своего места. – Я думаю, он хочет знать, как ты это сделала.

– Я... могу?

– Ты тоже потом сможешь. Когда вырастешь и даже больше. Во-о-от такой огромный шар, – Найша раскинула широко руки и улыбнулась.

– Да, Гург, и мы тоже сможем, – сказал Беф. – Все так могут, и не только в Рилгане, даже на Маналее!

Все вокруг оживились и поддакивали друг другу. Рассказывали в каких странах они побывают, какую заморскую еду попробуют и как будут верно служить королю. Тётя смотрела на малыша и плохое предчувствие зашевелилось внутри неё. Гург больше не смотрел на шар. Найша испарила его и убрала воду, что разлилась на пол.

– С непривычки голова немного кружится. На сегодня хватит, – несмотря на усталость, Найша выглядела счастливой.

Ничего себе! Её теперь ещё больше уважают ребята, тётя гордится, и даже Гург был очень удивлён. Давно ей не было так хорошо.

Лавия опустилась к креслу и заглянула в лицо Гурга. Он что-то очень часто дышал. Маленькая грудь колыхалась вниз-вверх, ручки вцепились в покрывало, на котором он сидел. Ногти побледнели. Потом он поднял голову и сказал то, чего она вообще не ожидала:

– Где... я? – он задыхался, но вдруг резко перестал дышать. Лавия была готова поклясться, что озарение или какая-то мысль промелькнули в детских глазах. На секунду ей даже стало страшно, а потом он сказал. – Где... мама?

Накрыл маленькими ручками глаза, из носа потекли сопли, и он затрясся. Когда Лавия захотела его взять, он повернулся спиной и упёрся головой в угол кресла и так продолжал плакать.

Сердце Лавии разрывалось. Гург никогда раньше не плакал так. Тогда она слышала, что он просто зовёт её, а сейчас она чувствовала, что ему физически больно, но не могла никак помочь. Он звал маму. Она его мама! Она станет ею. Он никогда не узнает о той женщине за рыбным прилавком. Она придумает что-то другое. Дети не должны такое слышать.

Ребята притихли. Бефальт быстро убирал со стола. Мур стоял, опустив голову. Мик потихоньку хныкал, Коррус и Найша вместе стояли у двери и тихо переговаривались. Когда плач понемногу стих, Лавия аккуратно взяла Гурга на руки и махнула всем, чтоб убирались. Медленно качивала малыша. Тот прятался лицом в её грудь. Она поняла, что он не хочет, чтобы на него смотрели. Отвернула голову к окну и тихо напевала колыбельную, слышанную ещё в далёком детстве от её давно покинувшей этот мир мамы.

* * *

– Бефальт, опять ты нас втянул в неприятности!

– Тише.

Мик покорно шел следом, стряхнув с рыжих волос соломинку. Внутри нарастало беспокойство и нежелание быть пойманным.

– Тссс, ещё чуть-чуть.

Они прокрались на постоялый двор одного низшего дворянина в Ваабисе. Им жутко повезло, что здесь не держали гурмисов или собак. Сторожевой кот точно бы их сожрал. От этой мысли Микульп весь затрясся.

– Ну что там серешь, Мик?

– Прекрати разговаривать как Гург, и я не боюсь.

– Ага, как же.

Бефальт вытер рукавом стекающую соплю и хищно ухмыльнулся. Ему нравилось ощущение подступающей опасности, и Гург всегда давал ему такие сложные задания. Он верил в него.

Вчера на рынке он услышал, как один купец по имени Джалла назначил здесь встречу одной симпатичной продавщицей фруктов. Бефальту это показалось подозрительным – возможно она знает какие-то секретные сведения. Он не стал об этом говорить Гургу и решил всё выведать сам, чтобы показать насколько он лучше Кора, этого слюнявого умника. Он, Бефальт, хоть и самый младший в их компании (не считая Гурга), но ничуть не хуже! Купцы всегда общаются только между собой в свободное время, как и дворяне и картель магов. Девушка может знать что-то интересное.

Бефальт хотел пойти один, но Мик увязался за ним, и пришлось всё объяснять. Тогда он был рад помочь, но сейчас пал духом. Надо побыстрее закончить, пока он тут не обоссался

со страху.

– Сюда, я подсажу тебя, только аккуратней и не шуми там.

Они с торца деревянной постройки поползли вверх по одному из углов, где выпирали брёвна. Их целью было маленькое окошечко на чердаке. Взрослый бы ни за что не пролез, но им было всего по десять лет, и даже пухлый Бефальт туда сможет попасть. Надо только успеть до начала встречи, чтобы ничего не упустить. У Мика была память получше, и он слово в слово мог передавать то, о чем разговаривали взрослые хоть и разбирался в этом ни чуть не лучше Бефальта. Однако, он был тот ещё трусишка.

– Ай.

Деревянная щепка попала Мику под ноготь.

– Что там у тебя?

Он сжался от боли, сдерживая слёзы. Они не могут сейчас отступить, будет слишком обидно дойти до сюда и уйти ни с чем. Нужно просто не обращать внимания, а наверху он вынет эту занозу.

– Ничего.

Мик стал карабкаться дальше до самого окошка, пару раз его нога соскальзывала и один раз даже попала в глаз Бефальту. Тот что-то пробурчал про выбитые зубы, но боль в пальце была такой острой, что всё, чего он хотел – это побыстрее добраться до чердака.

Наконец дверца оказалась открытой. Мик заглянул. Внутри никого не было. Просунув своё тельце внутрь, он мягко приземлился на соломенный пол. Вокруг были плетёные корзины, деревянные ящики, ставни для окон и стёкла, небольшая кучка израсходованных кристаллов маны, рыболовные сети, кучка какого-то тряпья и немного поломанной мебели, которую было жалко выкинуть, но и использовать уже стыдно.

Но сейчас палец с занозой занимал Микульпа больше, чем окружающая обстановка. Он в темноте пытался вытащить занозу. Нужен источник света. Он повернулся к окну, но света не было.

– Тупица. Может, ты меня вытащишь уже?

Бефальт всё-таки застрял в окне. Извиваясь, он пытался пробраться внутрь, но ничего не получалось. С минуты на минуту кто-то мог заметить его дрыгающие ноги на улице и донести хозяину дома.

– Да кто виноват, что ты такой жирный?

Бефальт ударил Мика кулаком по голове.

– За что? Я тебе не буду помогать.

– Нас сейчас заметят, – шипел Бефальт. – Быстро вынимай меня!

– Не буду, ты меня ударил.

– Тогда как ты собираешься уходить отсюда?

– Я... – тут Микульп задумался, это было единственное чердачное окно, к тому же с этого торца оно выходило на улочку, где мало кто ходил, а спуститься вниз он не может, там страшно. – Ладно, только не бей меня.

– Да-да, быстрее уже.

– Выдохни весь воздух.

Бефальт и так дышал прерывисто, грудная клетка была пережата, но он постарался сделать как его просили. Лицо посинело. Мик тянул изо всех сил. Глаза Бефальта покраснели и выпучились.

– Я больше не могу, уфф, – он тихо выдавил остатки кислорода, губы сложились в

трубочку.

По багрово-синему лицу потекла слеза или это был пот? Мик тянул, ладони уже запотели, сил не оставалось, и тут Бефальт начал сдвигаться. Протяжный пердёж огласил сначала улицу, а потом чердак, когда он провалился внутрь.

Мик хватал воздух ртом как кошка, подавившаяся комком шерсти.

– Какая же ты свинья, – теперь слёзы были уже на лице Микульпа.

– Я не виноват, что сегодня тётя Лавия приготовила горох, – обиженно скрестил руки Бефальт.

Получив, наконец, доступ к кислороду, Микульп отдышался и вынул занозу, пока его друг изучал помещение. Их не заметили только потому, что на втором этаже сегодня никого не было. Днём у взрослых дела и постоянный двор не исключение.

Пол был довольно прочный, но зазоры между досок позволяли видеть, что творится в комнатах. Их было четыре. Джалла точно говорил про «Влюблённый оккапури» и второй этаж. Домишко так себе, даже у них в каком-то смысле лучше.

Тем более, подозрительна ситуация. Комнаты однотипные. Кровать, небольшая тумбочка, зеркало, стол и шкаф для вещей, иногда можно встретить ковры. Осталось только подождать. Они пришли на час раньше и это хорошо. Их точно бы услышали. Бефальт прилёг на соломенный пол и смотрел в потолок. Мальчик не боялся обратного пути. Вздутие прошло, и он свободно проходил в окно.

Мик сидел на корточках и прислушивался к каждому шороху. Иногда ложился на живот и смотрел сквозь щель вниз. Через полчаса дверь в одну из комнат открылась и туда вошла женщина. Они подползли к нужному участку пола и смотрели, как внизу прибираются, взбили подушку, постелили новую постель. Они переглянулись. Да, именно здесь будет встреча. Наволочки были на вид дороже, чем в других комнатах. Когда женщина ушла, они тихо перешёптывались, планируя, как будут уходить.

Бефальт строго-настрого приказал Мику запоминать всё и сам постарается подмечать мелкие детали. Гург просил пересказывать все подробности, что они помнят, даже если они сами думают, что это бесполезные знания. Для Груга нет ничего бесполезного. Он знал всё. Однажды Коррус пересказал ему разговор одного дворянина с купцом. После этого они долго о чём-то шептались, и на следующий день Кор пришёл с шестью септами. На эти деньги можно было купить хлеб целых два месяца!

С тех пор они все слушались Гурга, но тётя Лавии ничего не говорили. Гург сказал держать это в секрете, и тогда они смогут помогать зарабатывать деньги и даже купить себе что захотят!

Через двадцать минут дверь открылась, и вошёл Джалла вместе с той самой торговкой. Ребята тут же примкнули глазами к щели и наострили уши.

– ...она мне такая, я даже палец о палец не ударю, чтобы его сын попал в стражу, пусть жрёт помой и дальше, – торговка подошла к зеркалу и поправила волосы.

– Всегда знал, что она немного тронутая, – краснолицый Джалла присел на кровать и неспеша стаскивал с себя сапоги. – Как и их вся чёртова семейка.

– Дворянская с***а, – девушка причмокнула губами, Мик немного покраснел и посмотрел на Бефальта, тот лишь кивнул и продолжил наблюдение. В их доме не очень жаловали сквернословие. – Я бы этой дуре все лицо раздолбала, подстилка, а как она иногда разговаривает со мной!

Джалла закончил с сапогами и теперь расстёгивал пуговицы серо-синего кафтана.

– Ух, Лора, разошлась, – он пыхтел и добрался сосисочными пальцами до пуговиц белой рубашки. – Потерпи немного и я раздолблю тебя.

– Ахах, – она хохотнула, отвернулась от зеркала и, немного покрасневшая, показала язык. – Дурак, зачем ты так говоришь?

– Я знаю, что тебе нравится.

– Нет, не знаешь, – она продолжала притворно отпираться и дальше что-то искать в зеркале.

Мик в панике теребил Бефальта, весь краснящий как рак. Второй не понимал, что происходит и лишь продолжал смотреть, а тем временем толстый Джалла уже снимал штаны.

– Ну что ты там всё смотришь, у меня есть кое-что поинтересней.

– Что-то вкусненькое?

– О да, ещё какое вкусненькое, – голый по пояс Джалла скинул штаны, Лора подошла к нему и погладила ручкой волосатую грудь. Дотянувшись до его уха, что-то шепнула, а вторую руку опустила вниз. Они поцеловались.

Микульп готов поклясться, что ему послышалось «полный ротик».

– Беф, это противно, я не могу больше, меня сейчас стошнит!

– Заткнись, я знаю, – Беф и сам не понимал, откуда такое отвращение.

– Что она делает?

– А я откуда знаю? – злобно шипел он.

Лора немного отошла и сбросила платье, а затем и нижнее бельё. Ребята перестали шептаться. Молочно-белая грудь, немножко пухленькие бёдра, короткая стрижка каштановых волос. Затаив дыхание, они смотрели как она медленно, подняв руки, убирает украшение с волос.

– Беф, посмотри немного правее, – шепнул Мик.

Там стоял Джалла полностью голый, и что-то волосатое торчало у него между ног.

– ЭТО ОН?! БЕФ, ЭТО ОН?!

Бефальт лишь молчал, не в силах что-то ответить и смотрел дальше. Девушка подошла, села на колени и протянула голову.

– Буэээээ, – из Микульпа полилась блевотня прямо на доски, а рыготня была слышна даже внизу.

Остатки еды и желудочный сок полились вниз. Девушка визгнула и прыгнула под одеяло.

– Кто здесь?! – закричал голый Джалла и тут же полез в кафтан, доставая что-то блестящее

– Проклятье, у него кристалл, Мик, ты дурак, бежим отсюда, он нас убьёт!

Мик опять блеванул прямо на Бефальта.

– Аааа, да что это такое?

– Сейчас я вам покажу, твари, я вас высеку и скормлю гурмисам!

Снизу уже раздавался топот.

– Надо уходить, Мик, – Бефальт отвесил пощёчину Микульпу и потащил того к окну. – Давай, соберись! – быстро вытер ему рукавом лицо.

Доски взорвались чуть правее них. Послышался звон разбивающегося стекла. Щепки и осколки разлетелись по чердаку. Одна из них попала в щеку Бефальту и расцарапала до крови. Мик видимо пришёл в себя и быстро пролез в окно, а за ним Беф. Страх так сильно толкал вперёд, что они буквально соскользнули вниз, спрыгнув даже чуть раньше, не

чувствуя боли. Перескочили забор как акробаты и тут же дали дёру по улице. В доме продолжали браниться, и что-то гремело взрывами, а протяжный женский визг ещё долго отзывался в ушах.

Отбежав достаточно далеко, они только потом заметили насколько оба грязные, а в нос ударил кислый запах рвоты.

– Беф, я, кажется, ногу подвернул, – Мик прихрамывал.

– Дома разберёмся, только надо где-то обмыться, придётся свернуть к реке на пути домой.

– Хорошо, – Мик опустил голову.

– Ты чего?

– Прости.

– Ничего.

Какое-то время они шли молча. Бефальт почесал свой ёжик волос и искоса взглянул на Мика.

– Мик.

– Что?

– Всё запомнил?

– Я... – Мик повернул голову к Бефальту и увидел как у того дёргается уголок губ.

И тут их прорвало. Они смеялись, Мик хватался за ногу, плакал, потом опять смеялся, а Беф, смотря на это, начинал по новой гоготать. Видя, как гогочет Беф, Мик сам заражался смехом. Прохожие, морщась от кислого запаха, обходили их стороной.

Наконец, они вышли к реке, обмылись и прилегли отдохнуть на солнышке, пока сушится их одежда. Лето было жаркое.

Марк в этом мире уже пятый год. Он научился заново ходить, говорить и даже выучил местный язык фанза. Он очень похож на европейские языки, по крайней мере буквы точно похожи. Этакий эсперанто⁸ мира земли. Ах да, это совсем другой мир. Здесь есть магия, некое подобие маны и даже волшебные существа. Тут нет семьи и, скорее всего, он не попадёт назад.

Когда он узнал об этом, было паршиво.

Его убила подступающая чернота – что это было? Возможно, так выглядела смерть. Остатки сознания что-то пытались сконструировать после мгновенного урона? А та темнота просто разрушение мозга? Что-то упало на голову? Выстрел он бы услышал и запомнил. Может кто-то действительно подошёл сзади и чем-то ударил так, что он сразу вырубился. Какая теперь разница. Сейчас он совершенно другой человек. Это сложнее, чем кажется.

Осознание своего нового положения медленно к нему прорывалось в тот период. Отдавшись течению времени, он ел, спал, иногда двигался, иногда нет. Часами смотрел в потолок или сквозь прутья детской кроватки.

Это какой-то розыгрыш. Дешёвка. Он сразу вспомнил тысячи однотипных историй о попаданчестве, что широко эксплуатировались авторами его старого мира. Точнее, настоящего. Фильмы, мультики, анимэ, всякое дрянное фэнтези и дешёвое чтиво, созданное разнообразить твоё время. Скучно, пошло, не интересно.

Он такое смотрел и читал в детстве и подростковом возрасте – потом было не до этого. Экзамены – химия, биология, учёба в университете. Его книгами были учебники по физиологии, гистологии, анатомии, биохимии, научные статьи на различных сайтах, а путешествия ограничивались научными конференциями в других городах. Вот что было интересно. Научный взгляд на мир, твёрдая опора в виде логики и фактов. Какая на хрен магия?

Дни шли своим чередом. Эти чёртовы дети просто бесят. Одно дело, когда ты даёшь им конфетку или гладишь по голове, интересуясь мимолётом, кем он хочет стать, или строить им рожицы, наслаждаясь их смехом, а потом идти по своим взрослым делам. Другое – жить среди них и слушать весь этот слюнявый бред, кто у кого что отнял, прохладные истории Бефальта о том, как он подрался с какой-то деревяшкой или хрен пойми чем. Мик вечно ноет по любому поводу. Меньше всего раздражает Кор и Мур. Первый любит поиграть в этакое умника (неужели и он такой был в детстве?), а второй по большей части молчит и, если кто-то к нему обращается, говорит не сразу. Марку кажется, что он немного тормознутый.

Вишенка на торте – Найша, отличница во всём, умница-разумница. Натянута как струна. Дети быстро учатся носить маски. Вот и под ней скрывался свой фантомас. Иногда Марку казалось, что она ловит какой-то кайф, командуя всем этим голопузым воинством. Этот блеск в глазах вызывал вопросы, а вот ответы на них знать не хотелось.

Лавия взяла их под своё крыло. Это частный дом и у неё есть связи с местной властью. Потому что отсутствовала она редко, всегда в делах по хозяйству, но не печатает же она деньги на которые они кормятся? Её спонсируют равнодушные люди. Зачем это ей всё? Марк не знал. Ему было бы тяжело воспитывать кучу чужих детей. Нужно любить это всё, отдавать себя всего, любить самих детей за то какие они есть. С их плохими и хорошими сторонами. Марк так не умел. Хоть он и готовился стать врачом, людей он не очень жаловал.

Они утомляли, каждый своим эго пытался вытеснить твоё, ворваться в личное пространство и насрать там своими проблемами и переживаниями. Ты вежливо всё это впитываешь и киваешь, а после их ухода ещё долго откисаешь, пытаешься набраться сил. Все хотят говорить, но забывают, что в беседе участвуют оба. Вместо обоюдного обмена твоя чаша переполняется, рот становится коричневым.

Язык науки в этом плане спасение. Вы ограничены чёткими понятиями, но в то же время бесконечно свободны. Перед тем как попасть сюда, Марк всё ещё не решил – заняться чисто научной деятельностью и пойти в аспирантуру или начать карьеру врача по какому-либо из профилей.

Их двухэтажный домишко был довольно просторным. Не считая детской, тут была кухня, зал с камином, а наверху пара кабинетов, один из которых чаще был гостевой комнатой для знакомых Лавии. Иногда к ним заходил местный староста. Они выстраивались в шеренгу в знак уважения. Он обводил детей взглядом и махал рукой: «Ладно, идите играть». После гонял чай с Лавией. Иногда подзывал кого-то из них и интересовался: как он живёт, всё ли у него хорошо, хватает ли им еды.

Это был мужик лет сорока, подтянутый, с грубыми руками и чисто выбритым лицом. Перед взрослыми Марк косил под ребёнка, чтобы не обращать лишнего внимания. Об этом мире он знал слишком мало, и рисковать не собирался. Кто тут главный? Где он находится в территориальном плане? Да, понятно, что это деревня Альгус близ Ваабиса в королевстве Рилган, но это как пёрнуть в пустоту. Нужно увидеть географические карты данного мира. Если это королевство, то кто сейчас король? Какая у королевства политика? Какие фракции есть, законы и прочее. Он сидит в этом доме, изредка гуляет во дворе, нет ни телевизора, ни мобильных, ни интернета.

В пять лет далеко не разгуляешься. Ребятам уже стукнуло по одиннадцать. Полтора года назад кое-как уловками он убедил их собирать для него информацию – слушать разговоры людей разных социальных слоёв. Пересказывать о чём говорят там и сям, вообще любые новости, что они могут добыть. Пару раз вышло, что его «агентура» поймала крупную рыбу. Например, один низший дворянин, что смог удачно жениться на богатой невесте, изменял ей, и Гург через письма смог шантажом выбить из него немного денег за молчание. Однако, всё упёрлось в кадры. А именно – большая часть его шпионов были тупы и, в конце концов, они только дети и не умеют читать между строк, видеть контекст беседы или намёки. Микульп мог запомнить огромные куски разговора, но вот качество этих сведений стремится к нулю. Коррус ещё что-то смыслил, но этого было мало.

Поэтому шпионский проект не приносил больших результатов, но делать было нечего, и они продолжали этим заниматься, а ребята потихоньку расти.

Он начал свободно разговаривать в полгода. Это вызвало массу вопросов и нездорового любопытства взрослых, поэтому Марк старался строить «детские» конструкции предложений и больше молчать. Лавия как будто догадывалась, что он непростой ребёнок, но виду не подавала. Для старосты он был обычным пацаном. По его словам, обилие разговаривающих вокруг новорождённого сделало своё дело, и Гург раскрылся раньше, чем другие.

Ребятам же было всё равно, и в их обществе он чувствовал себя посвободней. Если узнается кто он такой, бог весть что случится. Сейчас Марк слабый и беззащитный – любой убогий может его похитить или убить. У него не будет возможности решать за себя, а отдаваться на милость невесте кому глупо. Это только в книжках всегда находятся

доброжелатели или мудрый учитель, что за красивые глаза обучает тебя всему. Даже в настоящем мире не так-то просто было обучаться, а здесь некоторые знания и вовсе контролируются маленькими группами людей.

Например, магия и картель магов. Сообщество, что аккумулирует информацию не только в Рилгане, но и за рубежом. Сомнительно, что они спешат поделиться с простым человеком, как лучше колдовать.

Из того, что он пока понял – каждый житель в каком-то роде маг. Все могут колдовать, но запаса маны взрослого хватает лишь на бытовые нужды, и то немного. Лавия с помощью магии зажигает осветительные приборы, камин, перетаскивает тяжести, поливает огород, лечит небольшие раны и ссадины. С каждым годом запас маны ребёнка растёт на случайное количество единиц. Начинается этот процесс с шести лет, иногда раньше, а заканчивается к двадцати с небольшим. У каждого индивидуально. В остальном же люди ведут себя также как на Земле – трудятся, заводят семьи, ходят за покупками, отмечают праздники и так далее. Магия это не что-то выдающееся, а повседневность.

Есть ещё кристаллы маны, но они жутко дорогие, и позволить их могут только знать. Судя по рассказам Кора, они выступают источником маны, усиливающим основной запас. Это полезные ископаемые. В Рилгане их очень мало, да и вообще настоящих боевых магов почти нет. Хотелось бы увидеть, что они из себя представляют.

Мышцы пока слабы и он быстро устаёт. Однако, моцион держит каждый день. Марк – развивающийся организм и укрепление мускулатуры и связок очень важно. На этот счёт у него много планов, но сейчас он пока просто гуляет, ознакомливаясь понемногу с территорией.

– Значит вурждук это не сказка. Хмм... Мне всегда казалось, что тётя Лав его придумала, чтобы пугать нас.

– Нет, ты что. Он существует, – Коррус развернулся к нему лицом и шёл спиной вперёд.

– Сегодня от стражи слышал, что опять пропало пару людей, – развернулся обратно и скрестил руки на затылке с белыми волосами. – Их утащила эта тварь, – зелёные глаза смотрели на проплывающие облака.

– Но хоть что-то же о нём известно? – Марк пнул камешек.

– Ну, я поспрашивал Кунца. Трезвый он всё время говорил, что не моего ума дело, но мне удалось его подловить, – Кор улыбнулся.

– Харош, ну что там? Не тяни.

– У них человеческие головы.

– Чего? – Марк остановился.

– Да, так и сказал, они очень быстрые, на маленьких ножках. Ну, знаешь, как у пауков и размеры где-то с твоего роста – Кор провёл ладонью над макушкой Марка. – Тело у них толстое и твёрдое. Ах да, ещё они умеют разговаривать.

– То есть, это какие-то метровые пауки с человеческими головами? Которые ещё и разговаривают. Здорово, – они продолжили путь, свернув за угол каменной постройки, вдали уже виднелся рынок.

В хороший мир он попал. Если такая дрянь разгуливает по лесу, то лучше сидеть дома. Монстры здесь редкость, их почти нет, а те, что есть – вполне безобидны. Однако в лесу, что ближе к горам и на западных болотах водится всякая мерзость. На границах городов всё хорошо – стражи вместе с боевыми магами устраивают рейды и большие города в безопасности, но вот такие как Ваабис и деревеньки близ него подвергаются риску

нападения. Иногда и сюда приходят рейды, но на всё это нужны деньги, либо пока ситуация не выйдет из-под контроля и жертв станет настолько много, что об этом заговорят даже в столице.

Вся эта информация собиралась по крупицам. Сейчас они идут на рынок, чтобы узнать новости и слухи. Марк попросил Кора его сопровождать. Пока он маленький, с ним будет ещё кто-то, но потом он сможет самостоятельно всё это делать. На детей не обращают внимания взрослые, зная, что те ничего не соображают, и свободно разговаривают о своих проблемах. Марк будет этим пользоваться, а пока они идут отдавать долг в мясную лавку.

На пути к ней они встретили странную мрачную процессию, выходящую из города. Вероятно, похороны. Огромное количество народа выходило из ворот.

– ...сын пошёл не в папашу.

– Да, не успели ещё в землю положить, а брат рассказывал про подряды на такие суммы, что ого-го. – буркнул один из стражей пропуская людской поток.

Умершие не интересовали Марка.

– А где хрючело?

– Родственнички не взяли.

Люди несли цветы, но что странно, за всем этим шествием тянулась какая-то странная синяя дымка. Разновидность похоронной пиротехники? Он спросил у Корруса какие тут традиции похорон.

– Ну, из того, что я помню – это бросание пустых кристаллов в могилу, а так не интересовался. Прости.

– Ничего, – это напомнило, как в его мире суеверные кидали туда мелочь, – Даже лучше, что ты с этим не сталкивался.

Они углубились в город и добрались до рынка. Ноги пока что не устали. Марк мог бы поклясться, что местные торгаши напоминали NPC в компьютерной игрушке про средневековье. Однако, на Земле было много мест, что ничем не отличались от этого – особенно в восточной части мира. Торжище, базар, ярмарка, рынок – какая разница? Нет смысла с чем-то сравнивать – пора привыкать, что это будут его магазины и гипермаркеты. Здесь он будет отовариваться. Здесь теперь часть его быта.

– ...лучший хорми в шестнадцати городах! Сладкий вкус...

– Молодой человек. Да, вы. Подойдите сюда. Не бойтесь. Любые яйца на выбор...

Коррус отвёл его подальше от прилавка. Ничего интересного. Странно, правда, что продукты тут соседствовали с галантереей и бытовыми товарами, но хорошо хоть догадались отделить часть по продаже животных в отдельный сектор.

– Мир ждёт катастрофа! Скоро, смейтесь-смейтесь! Скоро будут извержения святых вулканов, вот тогда я посмотрю в ваши грешные лица. Молитесь! Бог простит тех, кто склонится сейчас.

– Да задрал ты уже, катись в другое место!

Кто-то подал местному сумасшедшему фанатику монетку. Его балахон был сшит из каких-то кусков ткани. Один рукав белый, другой красный, середина и вовсе сшита из серых, чёрных и тёмно-синих лоскутов.

– Спасибо, дитя. Конец мира не застанет тебя врасплох. Мой господин подаст тебе знак.

Они углубились в царство животных. Сидя в клетках или на привязи те ждали своих новых хозяев. Чуть дальше они нашли мясную лавку и занесли долг. Жена владельца вежливо поинтересовалась, как поживает Лавия и проводила их до порога. Запах, конечно, не

камилфо. В родном мире его вытеснял специальный кондиционер, а освежитель воздуха радовал ароматом свежих арбузов. В первое время специфический деревенский душок раздражал обоняние, но человек ко всему привыкает.

Покинув этот птичий рынок, они забежали купить выпечки, и попутно Коррус рассказал ему про деление аристократических семей на три группы: низшее, среднее и высшее дворянство. Как оригинально. Все эти семьи распределены по материку Рилган. У них своя жизнь и большая игра. Лезть в такие опасные дебри желания пока не возникало – не потянет ресурсами. Коррус выполнил задание и уточнил точное их количество. Марк не знал источников этих знаний, но ему было достаточно иметь в виду дотошность и вьедливость старшего брата.

Четыре высших семейства. Десять средних и больше тридцати низших. Это основные шахматные фигуры политической арены. Когда Марк подрастёт, возможно, с некоторыми из них придётся иметь дело. Если его не скосит какая-нибудь странная эпидемия или к ним в дом не вломятся чудовища или, что ещё хуже, люди. И уведут всех в полон.

Кстати, рабов он пока нигде не наблюдал. Только слуг. Данный факт обнадеживал. Средневековье это не только про принцесс и графов, разъезжающих в каретах по балам.

Из парадигмы «кровь, кишки, дерьмо» ему пока активно встречалось только последнее. Пусть так и дальше будет. Не нужно никаких сюрпризов, пока он беспомощный кусок личинки.

– Кого это там ведут? – поинтересовался Коррус у остановившейся женщины с корзиной.

– Из тюрьмы убийц забирают.

– А зачем?

– Лучше тебе не знать.

Но настырный и душный Кор всё-таки разговорил дамочку. Оказывается, за убийство тут какие-то мега строгие приговоры дают. В лучшем случае – рудники, в худшем – смертная казнь. Мда. Закон и порядок. «Счастливики» готовили к отправке на восток, в шахты в горах. В горнорудный городок можно добраться только морем – вот их и собирали на этап до ближайшей пристани. Неподалёку стояло несколько женщин с платками и лицами, разрисованными усталостью и горем.

– Пойдём отсюда, – дёрнул брата за рукав Марк.

Незачем всё это видеть. Они покинули рынок и затем ворота города. Последнюю реплику стражей, что он услышал: «...нанял попрыгунчиков больше нормы...». О чём речь – без понятия. Чем они там вообще на посту занимаются? Хотя их тоже можно понять – целый день охраняешь проход, проверяя заходящих и выходящих. Кукуха, по-любому, поедет.

Так и прошёл обычный день Марка, на странность богатый событиями. Сегодняшний улов – хорошая информация. Картинка складывалась всё чётче, но как же его бесит это тело!

Настоящее время.

– Стой, с**а!

– Сам с**а, ах-а-ха, – Марк перепрыгивал через городские канавы, петляя маленьким тельцем в кишках трущоб Ваабиса, помогая себе магией ветра.

Зеленовато-землистый преследователь был чуть выше его ростом и не отставал. Двухэтажные дома сменяли друг друга. Скоро он выберется из района голюдей. Нужно только поднажать.

Прохожие удивлённо провожали взглядом шестилетнего Марка, но не вид бегущего ребёнка вызывал вопросы, а размазанная зелёная краска на лице и руках, отслаивавшаяся от пота и влаги. При погоне он упал в лужу.

Его уже попытался перехватить другой карлик, но он снёс наглеца потоком воздуха в сторону.

«Чёрт, осталось только десять единиц маны.»

Затеряться на рынке он не сможет, внешний вид вызовет подозрения – тут же перехватят. Остаётся только срезать через жилые дома по маленьким улочкам, но это рискует обернуться...

«Так и знал, что здесь тупик!»

– Попался, выродок!

В него полетело несколько камней и, не мешкая, преследователь достал нож. Один из булыжников больно попал в плечо. Стена тупика была домом. Высота порядка двух с половиной метров. У голюдя нож и боевое преимущество. Драться нельзя, но, даже подкинув себя ветром, Марк не допрыгнет до крыши и просто упадёт на лезвие зеленолицего.

Пять метров до смерти. Убийца с окровавленной головой вот-вот пырнёт его и оставит откисать в этом клоповнике. Была не была. Марк подбежал к одной из стен каменного кармана, оттолкнулся от неё ногой и потоком воздуха из рук выстрелил сам собой в противоположную стену. Тельце, хоть и маленькое, но тренированное, встретило камень ногами. Марк опять использовал магию ветра. Оставался последний шанс. Если сейчас он не заберётся на крышу и упадёт, то пиши – поминки.

Снова оттолкнувшись от стены, он полетел уже в третий раз прямо к козырьку. Брошенный нож скользнул где-то рядом, но, к счастью, не попал. Сгруппировавшись, Марк не терял времени – преследователь еще мог его настигнуть, обогнув ряд построек— встал на ноги и побежал по крышам. Добежав до одноэтажного дома, он спрыгнул на него, а потом на землю и помчался в сторону рассветной колокольни, что в центре города. Она обычно будит горожан переливчатым звоном рано утром, возвещая новый день.

Перед тем как зайти в благополучные районы, он остановился и последнюю единицу маны использовал на синтез воды, чтобы отмыться. Сейчас его манапул составлял двадцать пять. На «пневмодвижение» он тратил по три маны. Спасибо Вачовски за счастливое детство и спасённую жизнь в этом мире. Отмыв маскировку и грязь, он торопливым шагом проходил мимо благополучных опрятных домов.

В кармане шебуршала горсть мелких кристаллов маны, украденная у вора, как это ни парадоксально звучит. Марк не боялся, что его убьют или найдут. Не найдут. Таких как он

тысячи в Ваабисе. Слоняющихся без дела детей. Сам-то он, конечно, уже давно не ребёнок, но наружность пока что детская.

Как хорошо, что он тренировался каждый день – бег, подтягивания, отжимания, приседания. Общая физическая подготовка без всяких изысков вкупе с деревенским воздухом и здоровой пищей немного закалила его.

Когда он выклянчил у кузнеца, отца Асты, смастерить ему турник и брусья, все недоумевали, зачем это ребёнку. Тодд лишь пожал плечами и через пару дней у Марка во дворе красовались железные конструкции. Пришлось потратить немного отложенных денег на материалы, но это того стоило. Теперь каждый день он упражнялся и наращивал мускулатуру, ловкость и хват. Пусть даже бал правят маги, но если у него будет маленький запас маны, то нужны контрмеры.

Он слышал про боевых магов, что они могут создавать разрушающие заклинания вроде фаерболла и в довольно больших количествах. Простолюдину даже на один не хватит маны. Все взрослые, которых он опрашивал, не имели и пятидесяти единиц. По слухам, только староста владел боевой магией, но тот был не слишком разговорчив и всегда переводил тему в другое русло.

Здесь есть что-то от демократии – магией могут пользоваться все, но «правильные» люди имеют больше возможностей. Если основной магический потенциал составляют дворяне и аристократия, значит тут дело в селекции. Когда-то давно один способный мужчина с хорошим манапулом сошёлся с такой же женщиной и у них родилось дитя с ещё большими характеристиками. Они нашли ребёнку достойную пару, и так повторялось несколько поколений.

Думаю, так здесь и появилось неравенство. На земле голубая кровь ничего не значила – это был выпендрёжный термин. Единственное, что хорошо наследовала аристократия— это гемофилия⁹. Бред про бледную кожу, якобы являющуюся признаком знати не обоснован. Она лишь совокупность факторов внешней среды. Никто из них не пахал в поле, кожа подвергалась меньшему ультрафиолетовому облучению и не грубела от физической работы.

Однако тут такой отбор оправдан – он даёт силу, а с ней приходит и власть. Не знаю, что тут с браками по расчёту, но, скорее всего, именно родители распоряжаются вопросами женитьбы, так как от этого зависит их влияние.

Марк же родился под рыбным прилавком от безызвестной женщины, судя по всему простолюдинки. Если отец его не забрал, значит это типичная история с мусорным ведром или с покупкой хлеба. Есть небольшая надежда, что нерадивый папаша имел много маны и был сказочным принцем, но Марк реалист. Поэтому мускулы сейчас его лучший друг.

Он прошёл мимо красивой витрины с муляжами кристаллов. Сложенные аккуратными кучками в обитых белой бахромой деревянных ящичках, они манили к себе холодным блеском через стекло. Чем-то смахивает на ювелирный магазин и цены, судя по всему, такие же. Впереди тянулись лавки с одеждой, едой, семенами, посудой и прочей утварью. В конце рынка был отдел с животными.

Марк уважал физический труд, но всё его прошлое и склад ума ищут другого образа жизни. На земле это позволяла сделать система образования, но здешние школы обучают только четыре года. И то самым азам математики и владения магией. Денег на хороших учителей у его приёмной семьи нет. В двенадцать лет дети уходят работать подмастерьями и получать профессию. Не факт, что его багаж знаний здесь будет актуален, но ему нужна любая информация по расширению манапула и использованию магии.

«Если с этим ничего не выйдет, то хорошая физическая форма будет запасным планом. В этом мире есть боевые маги, – рассуждал Марк, – и их не так много, а значит должен быть и противовес. Ведь маг это как стрелковое оружие в мире, где все режут друг друга мечами. У него преимущество, но он не бессмертный».

Если бы он был правителем любой из местных стран, то задумался бы как держать их в узде. Это в сказках «Гендальф» приходит и уходит когда ему вздумается и обладает великой силой. В этой жизни никто не позволит свободно расхаживать по улицам аналогу атомного оружия в человеческой оболочке. Все будут конкурировать за право обладать им и предлагать выгодные условия для жизни или добиваться внимания более жёсткими методами.

Марк предполагал, что в мире, где магия царит везде, у здешних королевств будет и свой «спецназ» по убийству магов. И он должен быть очень эффективным, чтобы его боялись. Это логичное утверждение. Ведь если представить ситуацию, когда один из сильных магов начнёт бунить – чем ответить ему? Регулярными войсками? Да к нему никто не подберётся, и он убьёт всё в зоне видимости. Значит, надо звать своего мага. А если он окажется слабее? Или слишком долго будет добираться с другого конца страны? В Рилгане боевые маги редкость. Большая часть находится в столице для защиты королевской семьи.

К чему это всё? Если манапул Марка не позволит пробиться по магической линии, то придётся карабкаться в другом направлении. Зная как противодействовать магам, он получит о них сведения и сможет изучать. Двадцать пять единиц маны в шесть лет это средний результат, но маловато для его амбиций. Марку не нужна власть в здешнем мире, но и застрять на нижней ступеньке при таких знаниях – непростительно. Вот бы найти хоть какой-то аналог прошлой спокойной жизни.

Он много об этом думал, часами валяясь в люльке. Даже попав в другой мир, его мировоззрение особо не поменялось. Марк не стал и, скорее всего, уже не станет другим человеком, так как уже прошёл рубеж взросления.

Из того фэнтези, что он читал раньше, герои-неудачники внезапно преображались, попав в другой мир, и вели новую жизнь. Если ты ребёнок, то такое возможно. Наш организм растёт и с ним терпит изменения и психологический облик. Пока мы дети, то пластичны и легко меняемся, но его сознанию уже двадцать девять лет. В то время, когда Марк должен был набираться опыта в профессии, его сковывало детское тело. Время на подумать было предостаточно. Философия стала временным убежищем. О да, юный шестилетний философ с бородкой.

Камешки приятно оттягивали карман. Плечо всё ещё болело от удара, но терпимо. Высшая денежная единица в Рилгане – это фалер. В их детской казне было отложено двенадцать фалеров – это прилично, почти месячная зарплата полуквалифицированного рабочего. Как Марк ни старался, но накопить на покупку даже одного мелкого кристалла у него не получалось. Один такой камешек, что у него в кармане, стоит двадцать пять фалеров. Он пока не считал, сколько всего спёр. Делать это на улице не безопасно.

Район голюдей – проблемная точка Ваабиса. Преступность там гораздо выше и населяет его в основном местный вид людей – голюди. Насколько Марк знал, это не отдельный вид живых существ, а всё те же люди, только маленького роста и с зеленоватым оттенком кожи. Что-то вроде земных пигмеев.

Рост, понятное дело, но вот цвет кожи это не влияние окружающей среды, а скорее эволюционный фактор. Возможно, их предки скрещивались с другим видом разумных тварей. Вообще, странно, что природа допустила такое. В его прошлом мире такие продукты

скрещиваний не могли иметь потомства. Например, мул – это результат скрещивания осла и кобылы. Данный гибрид не может иметь потомства. Наверно, не корректно сравнивать человека и животных, но биологическое сходство на лицо.

Марк купил себе хорми в лавке сладостей. Это шашлык из семи видов фруктов на сахарной палочке, посыпанный сокка – пряностью схожей с корицей. Фруктовый шашлык – так он его назвал. Смесь кислого и сладкого с шоколадной ноткой – просто объедение, а палочка тоже съедобна – вкусный сладкий стебелёк.

Разгуливать среди голюдей было опасно. Марк немного похимичил с маскировкой и смог собирать там информацию. Обычно в бедных районах все знают всех, но мессалла слишком многочисленна. Поэтому он смог часто бывать там, не вызывая подозрений. Как и в любом мегаполисе, здесь тоже были свои преступные группировки, битвы за территории и прочий маскулинный бред. Потребовалось несколько месяцев, прежде чем он стал различать лица этой народности. Он часто гулял по людным местам мессаллы и внимательно следил за окружающими. Его целью были карманные воришки. Иногда он сам сновал в толпе, но чаще наблюдал с крыш, лёжа на животе и болтая ногами на солнышке.

Если тут есть преступность, значит, есть и те, кто её контролируют. Потоки денег с мелких краж, попрошайничества и преступлений закономерно должны вести к рыбе побольше. Он, конечно, может спрашивать народ направо и налево: «А где тут местный дон Карлеоне?» Но что-то подсказывает, что лучше так не делать.

Под своей настоящей личиной он завёл несколько поверхностных знакомств с мальчишками из голюдей. Марк использовал чужое имя, и помимо каких-то бытовых подробностей иногда узнавал, что творится в их районе. То же самое он попросил сделать Корруса и Бефальта, чтобы сравнивать сведения северной, южной и восточной мессаллы.

Потихоньку он вышел на сборщиков и знал их в лицо. Этот процесс был очень долгим, потому что тело ребёнка накладывало известные ограничения. Недели тянулись, результаты особо не радовали, но Марк знал, что спрос на ограниченный ресурс всегда будет вызывать его контрабанду, незаконный оборот и «серый» бизнес. Если он просто украдёт кристаллы, то им займутся местные власти. А там неизвестно какие методы поимки преступников они используют. Какие-нибудь магические отпечатки пальцев или что-то в этом роде. Это большой риск. А вот если украсть у вора, то он не поднимет шума. Кристаллы это ключ, ничто так быстро не расширяет манапул как они.

Единственный раз, когда он использовал кристалл – на его инициации в шестой день рождения. Приёмная мать Лавия обладала крупным кристаллом, видимо, доставшимся по наследству. Каждый ребёнок в её доме проходил через это. Из-за высокого уровня осознанности Марку позволили сделать инициацию раньше. После того как ты в первый раз используешь усиленную кристаллом магию, ты сможешь видеть своё количество маны. Те семьи, что не могли себе позволить кристаллы сильно с этим не заморачивались и использовали её «на глаз». Каждый знал, сколько простейших заклинаний воздуха, воды, огня и земли он может использовать. Зачем тогда тратится на всякую ерунду?

Однако, многие передавали свои кристаллы по наследству и инициировали ими своих детей и внуков, поддерживая традицию. Лавия была из тех, кто щепетильно к этому относился и поэтому сейчас Марк точно знал цифры своего манапула. Спасибо ей за это.

Спустя четыре месяца такой слежки, он вышел на хорошо охраняемый схрон. Обычно туда заходили с грузом, а выходили уже без него. Внедрение было невозможно от слова совсем. Его маскарад не привлекал внимания, пока поведение соответствовало толпе, но

внимательный наблюдатель сразу бы отличил в нём чужака. Даже будь Марк взрослым, мнительные воришки раскусили бы его на раз два. Он ох как не хотел потом лежать под землёй, выталкивая цветочки грудью.

Пробраться внутрь Марк тоже не мог – вся эта охрана погонится за ним до самого Альгуса или просто уничтожит магией или другим металлическим оружием. Нужна информация.

На улице никто ничего не обсуждал о планирующихся нападениях или ограблениях – они же не дураки? Тогда Марк стал составлять в голове картотеку тех, кто заходит и выходит из здания схрона. Охрану, «офицеров» и главного он уже знал. Дальше Марк отсортировал воришек по рангу. Те, кто заносил большие мешки с добром, отметаются сразу. Больше всего интересуют голюди одетые побогаче и налегке. Деньги или камни не громоздкие – умещаются в небольшом узелке. Так Марк составил себе список из десятка «подозреваемых». Узнал, где они живут, распорядок их дня и предпочтения в развлечениях.

Личина ребёнка-оборванца не вызывала подозрений. Голюди довольно плодовитый народ и многодетные семьи у них в порядке вещей. Детская смертность колоссальна, но до страшного была в порядке вещей. Ведь лишний рот – всегда нагрузка на карман.

От того, наверное, к ним такое пренебрежительное отношение. Неспособность контролировать свою численность подобно животным, варварское грубое поведение, вспыльчивый характер и большой уровень преступности – всё это черты данной народности.

Внимательный наблюдатель понял бы, что это далеко не правда. Низкий уровень образования не позволял им получать хорошие рабочие места. Их народ ограничен ремесленными специальностями, к которым была маленькая предрасположенность. Работодатели не спешили их нанимать и на низкооплачиваемый разнорабочий труд.

Единственное, что сдерживает голюдей от открытого бунта – это королевский эдикт против бедности. В мессалле раздают еду в бесплатных столовых. Каждый месяц семьи получают материальную помощь, но ровно столько, чтобы не помереть с голоду.

Мальчишки-голюди мечтают попасть в королевские регулярные войска или в разведку, где их размеры дают преимущество. Для молодого поколения это единственный способ спастись от бедности и преступной жизни. Экономика Рилгана вызывает вопросы, но иногда это до ужаса напоминает родную Землю.

Марк вымыл липкие руки у фонтанчика Самуэля Риббса, героя Сансибуру – давнишнего военного конфликта. Мужчина не похож на классического мага в шляпе и с мантией. Его прикид был без претензий на волшебную эстетику. Одной ногой он попирал сорище поверженных чудовищ, а правая рука с посохом устремлена вверх. Навершие украшал огромный парящий кристалл, который никогда не гаснул – между прочим, хороший источник освещения. Статую окружало большое количество мелких фонтанчиков в виде магических существ. Скульптура была напичкана символизмом, но одно Марк знал точно – своих героев они чтят.

Пора в Альгус. Скоро начнёт темнеть. Он и так каждый день пропадал до ночи, и не хотелосьшний раз волновать Лавию. Всё-таки, есть к ней привязанность. Иногда он следил до утра. Его всегда прикрывали ребята. Найша пыталась вставлять палки в колёса, но это было больше похоже на попытки привлечь внимание к своей персоне. Она хотела общения, быть услышанной и возможности продемонстрировать свою маленькую власть, лелеять её как игрушку. Марк, то есть Гург, лукаво подыгрывал ей в этом. Конечно, он не называл её госпожой и не лизал ноги. Ну, лишь метафорически. Какой же он мерзкий.

Облапошенный голюдь был форточником. Марк часто видел как тот успешно пробирается в богатые дома и через некоторое время покидает их. После, вор сдавал награбленное в схрон и прогуливал всё по забегаловкам и шлюхам. Одной такой ходки хватало недели на полторы-две, и он опять брался за старое. Скорее всего, у него был свой наводчик из прислуги в одной богатой семье – родственник или ещё кто. Оттуда он узнавал сплетни и готовящиеся мероприятия типа балов, выставок, походов в театр или приёмов. У этого мира своя богатая культура.

Пока он просто обворовывал дома, у Марка не было уверенности, что добычей воришки были кристаллы и потому он не трогал объект слежки. Всё поменялось, когда голюдь пробрался в ломбард. Это было бинго. Многие бедняки закладывали свои потомственные кристаллы маны, чтобы сводить концы с концами. Вор заберёт все украшения, что сможет на себе унести, но и кристаллы он точно возьмёт – горсть хорошо помещается в карманах и мало весит при высокой стоимости.

* * *

3 часа назад.

Голюдь долго ждал, чтобы все уснули и, ближе к утру, пока ещё темно, с помощью магии бесшумно проделал небольшое отверстие прямо в одной из стен. Марк от такой наглости выпучил глаза, но потом подумал, что это рационально. Ведь на решётках окон и на дверях здания ломбарда могут быть наложены чары или что-то вроде сигнализации. То же самое с крышей. Никто просто не будет ожидать, что их грабят почти в лобовую. Через треть часа гениальный воришка шмыгнул на улицу, но не припустил со всех ног, а размеренным спокойным шагом уходил с места происшествия.

Его жилет был полон различных карманов. Выглядел как мастеровой, возвращающийся после ночной смены и не вызывал подозрений. На дыру в стене он, скорее всего, израсходовал большую часть своей маны, но в равной схватке у Марка всё равно ноль шансов.

Часа через два они зашли в мессаллу. Марк стал передвигаться по крышам. На улицах уже сновал пробудившийся народ. Голюдь зевал, но, улыбаясь, здоровался со знакомыми. Нужно было что-то срочно придумать, иначе он застрянет тут ещё на полгода. Кристаллы нужны для исследований – они дадут толчок в его развитии. Думай Марк, думай. Как ребёнку одолеть взрослого мужчину, пусть даже такого же роста?

Когда они свернули в спальные районы, прохожих стало меньше – сейчас большая часть на раздаче еды, на рынке или на работе. Голюди любят украшать свои жилища растениями. Так как у них нет своих земельных участков, многие устраивают мини-фермы на крышах. Это носит не только эстетический характер, но позволяет выживать. Вроде огородов. Они выращивают неприхотливые сельскохозяйственные культуры либо для себя, либо на продажу. Эти плантации обычно мешали Марку в передвижении, но натолкнули на одну мысль.

«Сейчас! – подумал Марк и бросил горшок с какой-то растительной чепухой воришке на голову, – надеюсь, он не помрёт», – пронеслось в голове. Голюдь покачнулся, прислонился к стене и осел, потеряв сознание. Марк тут же спрыгнул с первого этажа. Он не умрёт – свободное падение не такое большое. Подбежав, Марк приложил указательный и средний палец к сонной артерии – жив. Далее обшарил жилетку. Так что тут— кольца, украшения, деньги. Блин, где кристаллы? Быстрее! Если кто-то увидит, то несдобровать.

Форточник начал шевелиться. Вот оно! Горсть кристаллов в двух карманах. Марк

наполовину опустошил первый и вдруг его схватили за руку. Чёрт. Россыпь синих камушков упала на мостовую. Сожалеть было некогда. Голюдь очнулся. Марк потоком воздуха впечатал его голову в стену. Ударившись затылком, вор застонал и отпустил руку.

Конечно, не удалось вырвать весь улов, но и этого должно хватить. Жадничать опасно. Марк вторым ветряным потоком придал себе ускорение и бросился наутёк. Однако на повороте споткнулся и улетел в лужу. Маскировка потекла. Становится ещё опасней, думать некогда. Забуксовав по грязи, он возобновил бег. Скоро будет рынок. Сзади послышался топот. Погоня...

* * *

Настоящее время.

Марк вышел за пределы Ваабиса. Растянувшиеся поля и речка – услада для глаз. В родном мире он редко выбирался на природу, да и больше был «домашним» мальчиком. Здесь у него другое детство. До Альгуса километров пять. Пусть Марк и попал в другой мир, но просто так не сдастся. Человек выживает везде. Инстинкты сейчас напряжены сильнее, потому что ставки намного выше – любая ошибка может стоить жизни. Вдали виднелся густой лес. Заново он родился или нет – это не мешает ему жить. Может быть, есть способ вернуться назад. Даже если нет – он обязан точно это узнать, хотя бы попытаться. Наедине с собою он Марк, для остальных – Гург. Любое признание сейчас равносильно смерти.

«Помни об этом».

Как же красиво. Бескрайнее травяное море шуршало колосьями.

– Ух ты, откуда ты это всё достал?

– Не важно. Они теперь наши.

– Что будем делать?

– Магию.

Марк обвёл глазами четырёх ребят.

– Мы расширим своё количество маны и заработаем кучу денег. Каждый из нас сможет есть что хочет, жить где нравится, носить ту одежду, что ему подходит, а не на вырост. Хватит жить впроголодь. Мы как семья заслуживаем большего.

– Я давно хотел тот вишнёвый торт у мадам Парфеллы.

– Да ты бы и во сне жрал, свинья.

– Я не обращаю на тебя внимания. – Мик зажал пальцами уши и закрыл глаза.

– Да, жрал бы чавкая и роняя крошки с подбородка... – Беф истошно хрюкнул.

– Совсем не обращаю...

– Мадам Парфелла, я пришёл за добавкой.

«Начинается». – Подумал Марк.

– Мик, ты как ребёнок, неужели купишься на это? – спросил Кор.

– Я взрослый и не обращаю внимания. – Лицо Мика притворно спокойное начало набирать краску. Подбородок предательски затрясся.

На заднем фоне прыгал Беф, завернув руку за голову и оттянув пальцами нос.

– Беф, успокойся. – Коррус пытался замять зарождающийся конфликт.

На столе лежала россыпь кристаллов в куске ткани. Бефальт подошёл со спины к Мику и прошептал на ухо, так что всем было слышно.

– Добавка, – бархатно и томно, – только для хороших мальчиков.

Смачный шлепок по заднице стал последней каплей.

– Ну всё, тебе конец, ублюдок!!!

Коротконогий Мик сорвался с кулаками на Бефальта, а тот с хохотом и похрюкивая убежал.

Это какой-то фейспалм. В этом мире не знают, что такое фейспалм. Ну ладно, не имеет значения. Марк пытался замотивировать ребят чаще колдовать, но получалось так себе. Единственный кто стабильно занимался – Коррус. Остальные были за любой кипиш, кроме магии. По закону повышения маны – чем чаще ты колдуешь и сливаешь ману, тем быстрее у тебя растёт её общий запас, а кристаллы позволяли увеличить такой расход в разы.

Те двое выбежали и остались Кор, Марк и молчун Мур. Камешки блестели синими гранями.

– Я дам каждому по одному. Это тебе Мур.

– Угу.

– Коррус, —Марк выбрал камень покрупней, чтобы хватило с запасом, – Бери.

– А это тем двоим отдадите, как закончат свои брачные игры.

Марк убрал свёрток в карман, и они разошлись.

С рождения каждому ребёнку присваивалось случайное количество маны. На эту случайность влияли гены. Конечно, Марку могло повезти, но судьба распорядилась иначе. Он увидел цифру в двадцать пять единиц и стал спрашивать Лавию и всех остальных, что здесь

считается нормой.

Оказалось, что его результат средний для простолюдина. У ребят также манапул оставлял желать лучшего. Найша и вовсе в свои пятнадцать имела только двадцать две маны. Единственное исключение это Коррус.

Таких как он называли резеки – дети с аномально высоким количеством маны для своего окружения. Кор в шесть лет имел запас в двести единиц, а через ещё шесть лет уже четыреста сорок семь. Марк на его фоне просто блоха.

Такие результаты имели дети из аристократии или даже королевские семьи. Резеки могли рассчитывать на большое будущее, однако после двадцати лет рост сильно тормозился. И если такой человек не уделял этому вопросу внимание, то способности затухали к тридцати годам, так и не раскрывшись. Много тех, кто был хорош на старте, сравнивались к зрелым годам с хорошо тренированными средними магами.

Марк подумал, как много талантливых людей так и не смогли развить свой потенциал из-за бедности. Для себя он решил, что не будет бороться против ветряных мельниц. В этом мире он никто, но в пределах своего окружения он постарается изменить ситуацию. Поменять всю систему мало кому под силу, но с чего-то начать нужно и Коррус будет его вкладом в борьбе с этой несправедливостью.

Правда, Марк звёзд с неба не хватает. Нужно заботиться о себе, но Кор совершенно не тяготил его. Чего не скажешь об остальных. Дети не любят учиться, а Марк плохой учитель. Точнее вообще никакой. Кор сам хотел получать знания. Это облегчало задачу. Но вот придумывать, как впихнуть их в остальных, у него желания не было.

Да и нужно ли им это? Не то чтобы он не любил этих детей – за это время даже привязался к ним, но навязывать свою волю не хотел. Каждый из них уникален, у каждого своё видение и предназначение, и он им не отец. Есть беспокойство за их судьбу, но должен ли он брать ответственность? В каких-то вопросах – да. Если им будет грозить опасность, Марк сделает всё возможное. Но как он может заниматься вопросами чьих-то перспектив, когда собственные покрыты туманом? Он не имеет на это морального права.

Ему хотелось оставить всё себе, но чтобы поступить по совести и не терять доверия группы, он показал им кристаллы. Правда, лишь треть от общего количества. Они дети. Он верил в них, но для общей безопасности информацию давал дозированно.

После рейда Марк посчитал камни и вышли следующие цифры: четыре огромных, семь больших, двадцать четыре средних и сто шестьдесят три маленьких кристалла. Этого запаса хватит на два-три года, если потратить только на себя. Однако Марк решил побаловать и своих ребят – они заслужили.

Часть будет продана и пойдёт на бытовые нужды. Им не хватало одежды, нужны были большие запасы еды для всех детей, и отдельно хотелось подарить что-то Лавии. Все согласились с последним пунктом. Найша обещала заняться этим вопросом.

После всех трат и распределения денег, Марку достанется запас примерно на год. За это время надо будет придумать, как добывать средства на своё развитие. Он не может вечно воровать и нарушать закон. Осторожность превыше всего. Тюрьма не то место, где он хотел бы провести лучшие годы новой жизни.

На следующий день Марк отправился в сторону Мраморной реки. Её так называли из-за месторождений мрамора неподалёку от истока. Вдоль русла раскинулись небольшие деревца ив с шикарными дредами из зелёной растительности. Природный салон красоты поражает. В детстве они с ребятами любили покататься на таких тарзанках. Естественная завеса

кустарников у берега скроет от лишних глаз.

Он пришёл качаться. В магическую качалку.

Его земная сущность ступевалась от стыда. Боже, что за бред? Он хоть и смирился с новыми правилами, но всё также представляет, как рассказывает об этом мире старым знакомым и его под вой сирен увозят в дурку к местным наполеонам. «Так, хватит», – Марк помотал головой.

Такие мысли не должны больше лезть в голову. Старый мир позади. Ему уже почти семь лет в новом. Сейчас ЭТО его реальность. Он не мог быть в коме и это не последний миг жизни, что проносится перед глазами. Он чувствует боль, течение времени, вся его сенсорика кричит, что это реальность.

Марк нащупал пальцами гладкую поверхность кристалла в кармане. Сейчас у него двадцать пять единиц маны – это единственная имеющаяся информация. Книг здесь очень мало, а те, что имеются, носят больше развлекательный характер. У Лавии в доме валяется порядка семи штук.

Одна по истории, вторая – кулинарные рецепты, одна по садоводству, по медицине (что-то вроде справочника фельдшера) и остальные три – романы местных писак. По меркам Альгуса – приличное количество. Остальные жители считали, что это блажь. На новые книжки денег у приёмной семьи не было, а про какой-нибудь учебник по магии вообще заикаться не приходилось – цена сильно кусалась.

Беднота использовала четыре стихии: огонь, вода, земля и воздух. Синтез этих элементов достаточно дешёвая штука, но сложность представляет придание скорости и вектора снаряду, а про смешивание стихий говорить не приходится – затраты маны в разы больше. Из того, что он слышал, на один средний фаербол требуется порядка пятидесяти единиц маны. Всё это уходило на синтез огня, придание направления и ускорения. Марку доступен лишь синтез. Какой же он слабак.

Да тут все слабаки. Почти ни у кого нет столько маны в Альгусе. А вот в Ваабисе другая ситуация – местная знать, часть зажиточных купцов, стража и сам лорд с его семьёй имели довольно большой манапул. Также встречались путешествующие одиночки или отставные боевые маги, но таких было немного.

Каждый год всем в случайном порядке присваивалось несколько единиц маны. От одного до пяти у детей считалось нормой. Больше пяти называется «выстрелом» – это очень большая удача. Обычно говорили: «У моего ребёнка в этом году был "выстрел"» и такого человека все поздравляли. Из-за того, что Коррус был резеки, у него были «выстрелы» в каждый день рождения. Разброс в статистике брата варьировал от десяти до шестидесяти девяти единиц маны. Дальше будет больше. Если ему помочь с развитием, то к двадцати годам шесть-семь тысяч у него точно будет. Какое-то запредельное значение.

«Но нам не повезло», – Марк достал кристалл и посмотрел на его грани. – «Поэтому придётся брать другими качествами».

Сегодня он выяснит, насколько эти блестящие штуки уменьшают расход маны.

Марк находился возле воды, так что выбор пал на эту стихию. Хотя, постойте-ка. Если кристалл уменьшает расход маны, то сможет ли он создать тот самый полноценный фаербол? Нужно попробовать.

Он сжал в кулаке крупный кристалл и двумя руками создал горящую среднюю сферу. Тепло прошло по его рукам – мана скопилась в предплечьях. Для создания слова не требовались. Визуализация делает всё сама. Его огненная сфера получилась десять

сантиметров в диаметре. На средний синтез уходило пять единиц (десять-двадцать сантиметров в диаметре), малый – одна единица (пять-девять сантиметров), большой – десять единиц (двадцать один-тридцать сантиметров), а на огромный он не знал, сколько нужно, так как его запаса не хватало.

Инициация позволяла всегда знать, сколько точно ты тратишь маны – это число не светилось где-то в поле зрения или что-то такое. Нет. Оно как будто всегда у тебя в сознании. Как твоё имя – ты всегда знаешь, как тебя зовут, даже если всё остальное забудешь. А если амнезия? Сейчас огонь парил в нескольких сантиметрах от ладоней и не обжигал. Ещё одно свойство, над которым стоит подумать. Френдли фаер¹⁰?

Марк мысленно послал снаряд в реку, придав дугообразный вектор и... ничего не произошло. Огонь погас. Значит, уменьшение расхода не работает, если базовый показатель маны ниже, чем требуется на заклинание. Например, у меня двадцать пять маны, а на фаербол требуется пятьдесят – из этого ничего не выйдет, а если использовать заклинание, требующее двадцать маны, то тогда запустится действие кристалла.

Цифра двадцать пять не изменилась. Что??! Как это понимать? Но он не может брать ману прямо из кристалла. Хм. Тут Марку пришла в голову ещё одна мысль. Он опять скастовал средний фаербол. Получилось. Цифра изменилась на двадцать четыре. В обоих случаях он потратил по пять маны на средний фаербол. В первый раз вышло, что он использовал пол единицы маны и поэтому не увидел затрат в манапуле, но во второй раз они произошли. А это значит, что кристалл уменьшает расход в десять раз!

Марк посмотрел на синий камешек. Вот значит как. Интересно. И тут перед ним раскрылась вся несправедливость его положения. Богатые люди могли позволить себе хоть каждый день в десятикратном размере сливать ману. Сколько полезной работы можно провести, если правильно приложить эти силы. Насколько велика разница между знатью и простыми людьми. И с каждым днём такого использования кристаллов их разница в манапуле увеличивалась всё больше и больше. А ведь есть же ещё магический картель, который поставил этот вопрос на промышленные рельсы.

Марк сильнее сжал кристалл. Чёрт. Ему нужно ещё. Больше. Нет в десятки раз больше. Что даст ему всего лишь один год? Копейки. Если ничего не делать, рост будет идти до двадцати лет и то не факт – у многих детей он прекращается намного раньше. Это называют окви́ма – магический статус людей, у которых прекратился прогресс маны. Не такое уж редкое явление и если Марк войдёт в статус окви́ма, то никакие кристаллы не помогут. Закон повышения маны перестанет работать. Спина похолодела. Он застрянет на самом низу социальной лестницы в государстве с монархическим строем. Может пора спиваться?

«Никакой алкашки, – Марк помахал головой. – Нужно вернуться в нормальный поток мыслей».

Он присел на корточки перед водой, чтобы умыться. Кристалл был в руке. Капельки скользили по граням. Кое-что он упустил. Это же неудобно каждый раз держать его вот так. А если кисть отрубят? Или обе руки?

Марк вытер мокрое лицо о плечо и положил камень в карман. Вытянул руки и скастовал средний фаербол. Цифра двадцать четыре не уменьшилась. Внутренний счётчик показывает только целые числа. Всё получилось. Он может держать кристалл близко к телу и всё работает.

«Так, теперь я положу кристалл на камушек, отойду подальше, а в кармане у меня имеется другой – будет ли работать тот, что со мной?»

Вытянул руки – связи с кристаллом не чувствуется.

Сжал в руке кристалл в кармане, новая попытка – цифра изменилась на двадцать три, и в воздухе парил огненный шар. Прекратив касание, Марк проделал ту же операцию. Всё получилось. Интересно. Теперь он положил на камень кристалл №2 и взял №1 обратно в карман.

Вытянул руки и ничего не вышло. Понятно. Нужно обязательно его коснуться и мысленно включить связь. И так с каждым новым кристаллом. Закончится один – коснулся нового и ты снова в деле.

Затем он выложил активированный кристалл на землю рядом с собой и стал искать расстояние, на котором он может питаться от кристалла. Около метра. Поставим галочку.

Ещё один эксперимент. После всех поисков истины у него осталось двадцать единиц маны. Визуализировал фаербол. Пятнадцать единиц. Ага, он может решать, пользоваться кристаллом или нет. А теперь он хочет снова использовать – шар опять появился и цифра пятнадцать не изменилась. При этом заново касаться не нужно. Похоже на переключение разных режимов – с экономией маны и без.

И последнее. Марк выключил кристалл и слил остатки маны до нуля. Потом активировал кристалл, и создать фаербол не получилось. Значит кристалл это не источник, а усилитель. Если у Марка не будет маны, то синенькие камушки не помогут.

Чтобы сливать каждый день по двести пятьдесят единиц, ему придётся всегда носить при себе камень. Ещё нужно узнать их ёмкость, но это в другой раз. Самый острый вопрос – сколько нужно слить маны, чтобы получить одну единицу в манапул? Это знание позволит рассчитать всё. В том числе и то, находится ли он в зоне риска получить оквиму?

Что-то зашуршало, и Марк резко дёрнулся. «Чёрт, у меня нет маны, – пронеслось в голове. – Альгус в паре километров, рядом ни души, а он в теле ребёнка». Ни физической, ни магической силы. Как же он был неосторожен! Сколько детей так погибло вблизи леса по глупости, а ведь он взрослый в теле ребёнка. Тупица!

Испарина покрыла лоб. Нужно решить куда бежать. Может залезть на дерево? А если эта тварь с когтями и способна карабкаться по стволу? Или прыгнуть в воду?

Во рту пересохло. Он лихорадочно осмотрел берег. Коряга! Марк подскочил в секунду и отломил заострённый кусок палки.

«Ну что, иди сюда. Я тебя сейчас проткну этим дрыном.»

В голове он уже представил, как обороняется, окружённый стаей злобных волков. Как протыкает их вожака. Волосы встали дыбом. Его наполнила кровожадность. Адреналин зашкаливал. Каждый волосок превратился в чувствительный локатор. Он пещерный человек и сейчас будет бороться за свою жизнь и просто так её не отдаст. Эта тварь ещё долго будет его помнить, зализывая раны в помойной норе.

Из кустов вышел пушистый комок размером с кошку. Шерсть полностью покрывала это существо и из глубины выходили усы длинными прутьями. Глаз не было видно. Во рту, хрустя, пережевывался пучок травы. Это был кромуш.

Он не пещерный человек, он идиот.

Кромуши были травоядными грызунами. Он читал про них в книге по садоводству. Вечно лохматые и грязные, они постоянно что-то жрали. Отмечается, что их помёт очень благотворно сказывается на урожае. Кромуша не выгоняют с огорода как вредителя, а дают свободу действий. Эти грызуны постоянно перемещаются и надолго нигде не задерживаются. После них растения чувствуют себя лучше. Кромуши очень хорошо чуют

ману. Это местные пчёлы. Нет, пчёлы тут тоже есть, но кромуши переносят ману своей шерстью. Её свойства позволяют скапливать магическую энергию и, переползая с одного лесного массива в другой или по полям, они разносят эту ману по всему ареалу, улучшая плодородные свойства почвы и питая растительность. Своеобразный способ магического опыления.

Марк опустил палку. Кромуш похрустел ещё немного и повернул назад. Всё равно надо уходить. Он отбросил дрын и выбрался на дорогу. Ему повезло, что это был безобидный грызун. В следующий раз надо будет оставить себе запас маны на обратный путь. Заигрался в магического мальчика. А ведь даже с полным запасом, что бы он сделал? Призвал огонь? Ну, убежать бы попробовал пневмодвижением.

Кстати, это единственное заклинание с бесплатным вектором. Всего лишь три маны за использование! А как себе представить шар из воздуха? Он же растворится в своей же среде. А в среде без воздуха? Сколько идей! Надо обязательно всё попробовать и изучить. Как сложно без книг!

Его вели на площадь через шумную толпу людей. Тут и там вспыхивал огонь.

– Убейте эту тварь!

Женщина, прокричавшая это, следила за каждым шагом спотыкающегося заключённого. Её лицо было серым, волосы тряпкой висели на черепе – она давно не ухаживала за ними и клочья как попало свисали, обрамляя лицо сединой вперемешку с когда-то пшеничным цветом. При беглом взгляде на ум сразу приходило одно слово. Раздавленная. Настолько горе её иссушило и сейчас только глаза выдавали в ней возбуждение. Ведь на эшафот вели убийцу её ребёнка.

– Пожалуйста, прекратите использовать магию. Сохраняйте спокойствие.

Но это не возымело эффекта. Люди продолжали поднимать руки вверх и создавать огненные сферы – знак недовольства и гнева.

Жертву вели за ошейник в кандалах на руках и ногах. Хотя необходимости не было – ему просто некуда бежать. Чем ближе они подходили к огромному столбу, тем медленней он шагал. Умирать всегда паршиво, а умирать вот так – ещё хуже.

По бокам шла стража и копьями не давала толпе разорвать на куски узника.

– Не подходите.

Стражник мягко отталкивал женщину, что до этого кричала, но, когда встретился с ней взглядом, отвёл глаза в сторону.

– Я обещаю пропустить вас первой.

Та безжизненно кивнула, и они продолжили идти. Пот стекал по лицам людей, но они продолжали держать шары над головой. Тех, кто устал или израсходовал ману, сменяли другие. На главной площади Ваабиса скоро состоится казнь.

Всю эту картину Марк, Кор и Бефальт наблюдали, будучи в этой толпе. Лавируя среди взрослых, они параллельно шли вместе с заключённым. Его подбородок был в крови, губа разбита. Он что-то кричал, но его не было слышно.

Они наткнулись на процессию случайно, когда возвращались с рынка. Бефальту нужно было какое-то шмотьё и они решили пройтись втроём, составив ему компанию. Он так ничего и не выбрал.

Всё что удалось узнать, это имя преступника – Сприт. Он убивал детей спящими. Точнее топил их, помещая голову в шар с водой, не давая выбраться. Зачем он это делал непонятно, но Сприт поставил на уши весь Ваабис. Раз в две-три недели гремели убийства.

Когда ситуация вышла из под контроля, из столицы приехал квонун вместе с отрядом боевых магов. Марк не знал как, но убийцу поймали через три дня.

Он много раз видел сцены казни в различных фильмах, но сейчас он сторонний наблюдатель в этом действии. Не то чтобы он получал удовольствие от этого, но любой опыт не будет лишним. Беф и Кор наотрез отказались уйти и тоже прорывались с ним к столбу в центре. Не похоже на гильотину. Как же жарко.

– Аккуратней, пацан.

На него гневно зыркнул мужик с порезом на щеке. Одной рукой он держал большой огненный шар над головой.

– Простите, – пробормотал Марк и юркнул дальше.

В итоге, они пробились в первый ряд вокруг костра. Да. Это был гигантский костёр со

столбом в центре. Возле него было два боевых мага из столицы. Наконец-то! Марк их увидел.

Они не похожи на типичных бородатых мужиков с остроконечными шляпами или маленьких лоли-девочек из анимэ. Это двое мужчин. Один лет сорока и второй молодой лет двадцати. Одеты практично, под осеннюю погоду. На обоих серое пальто с небольшим красно-белым гербом на левой стороне. Никаких посохов, гримуаров и прочей лабудени.

Символ Рилгана – раздвоенный вулкан. Справа он красный на белом фоне, а слева наоборот. Издали не так хорошо видно было, но по красно-белой бляшке Марк узнал его, так как часто видел на государственных учреждениях.

Молодой скрестил руки на груди и внимательно следил за пленником, а второй выглядел расслабленным, но глазами безостановочно сканировал толпу. Из-за жары, что подняли фаерболы, температура была повышенной, поэтому старший позволил себе расстегнуть пальто. Под ним виднелась жилетка с многочисленными маленькими кармашками и такой же пояс с кучей барсеток и прямоугольных отделений. Интересно, зачем они? У обоих виднелись мечи в ножнах.

Мужчину подвели к кострищу, и тут Марк задал себе ещё один вопрос – а зачем здесь маги? Квонуна с ними не было. Марк упёрся в деревянный барьер и, свесившись с него, нашёл справа Бефа и Корруса. Топорщившиеся волосы первого сразу выделяли из толпы. Они встретились взглядом с долговязым Коррусом и кивнули друг другу. Протрубил рог и крики немного поубавились, он протрубил снова, но всё ещё было шумно. Тогда старший из двух магов поднялся на ступеньку и вздёрнул вверх руку.

Чудовищный мерзкий шум заполнил всё вокруг. Откуда здесь пенопласт!? Огни начали везде гаснуть. Все опускали руки, чтобы зажать уши. Звук ножа медленно разрезающего пенопласт. Где-то раздался детский плач. Так продолжалось секунд десять и вдруг всё смолкло.

– А теперь слушайте.

Тот, кто это сделал, уступил место чиновнику. Вердикт зачитали в относительной тишине. Перечислили имена и количество жертв, то, как были совершены преступления (на этой части послышалось несколько криков в толпе) и потом огласили приговор

– ...именем его Величества приговаривается к казни через хандоро.

Толпа буквально взревела. Хандоро? Что это такое? Он слышал много разных способов умерщвления в своём старом мире и многие из них были довольно извращёнными: от простого повешения до кровавого орла.

Старший маг снова поднял руку вверх и тогда толпа поутихла. В тех сценах фильмов, что он видел, убийцы или те, кого казнили, говорили последнее слово. Это могли быть проклятья, воззвания к чему-то или просьбы о прощении, молитвы. Марк задумался, что бы он сказал, случись с ним такое? Ну, в смысле, не за убийство детей. Он же не чудовище. А если бы оказался там, где сейчас этот мелкий мужчина.

Чиновник продолжал говорить, но внимание Марка привлёк маньяк. Его рот выбрасывал нечленораздельные звуки. Казалось, Сприт вот-вот что-то скажет, но не говорил. Из рта лилась слюна. Не выдержав своего положения, приговорённый открыл рот, демонстрируя всем обрубок языка.

Он ничего не скажет. Это было довольно жутко и дело не в том, как это выглядело, а в самом осознании, что у тебя нет даже последнего слова. То есть, ты уже всё. Так, мясо без права голоса. Сприт заплакал. Сопли и слюни текли по лицу. Подошедший стражник ударил его под дых, вызвав шквал одобрения. Мужик сдулся и присел на колени.

Чиновник дочитал приговор, и пленника привязали к столбу. Всё это время он оказывал сопротивление, и его приходилось бить.

– Вот тварь, – сказал какой-то дед рядом. – Как таракан цепляется за жизнь. Все они плачут в конце – им себя жалко. Не детей. Мир сошёл с ума.

«Сколько он существует, столько и сходит с ума», – подумал Марк. Ничего нового – толпа в любом мире толпа и он ощущал себя её частью. А кто не хотел смерти детоубийце?

Он увидел ту самую мать. Её под руку вывел из толпы один из стражников в сторону столба. С ней прошли ещё несколько женщин и мужчин. Там были свалены дрова и хворост. Подойдя ближе, она плюнула в связанного. Харчок не долетел. Она опустила голову и сжала кулак. Даже сейчас она не может отомстить как надо. Тогда подсобравшись, она создала огненную сферу диаметром в двадцать сантиметров и опустила на хворост.

– Сдохни.

Отошла в сторону и каждый из пострадавших родителей сделал то же самое. Толпа выстроилась у ворот и подходила опустить свой огонь, приобщаясь к массовому убийству.

Марка дёрнули за плечо.

– Пошли Гург, нам тоже надо туда.

– Мы никуда не пойдём.

– Почему? Он же убийца. Он заслужил это.

Бефальт был недоволен нерешительностью Марка.

– Потому что это не повод тоже становится убийцей.

Коррус о чем-то задумался, но Беф продолжал настаивать, с каждой секундой раздражая Марка.

– Ты же слышал, что он убивал детей во сне. Этот сраный Сприт.

– Да. И он получил по заслугам.

– Мы должны себя вести как взрослые...

– Поэтому сейчас мы пойдём к южным воротам проведать Кунца и узнаем там подробности.

– Ты всегда так, – Беф оттолкнул руку Марка. – Почему когда нужно совершить поступок ты всегда медлишь?

– Потому что я всегда думаю о последствиях Беф и сейчас не вижу смысла издеваться над и так уже умершим человеком.

– Ты трус!

– Послушай Беф, умершие не должны тянуть за собой живых. Мы с тобой сильные люди. Зачем нам издеваться над ... – Марк кивнул в сторону разгоревшегося всюю огня, – ...этой тварью.

– Ты не понимаешь, там мать Амадо. Она видела меня. Как я потом объясню, что не подошел вместе со всеми?! Я знал его, того парня, что убила эта гнида. Он ничего плохого никому не сделал.

Марк посмотрел на непривычно серьезное лицо подростка. Так вот в чём дело. Он подошёл к нему и взялся обеими руками за его плечи, смотря в глаза.

– Беф, я...

– Да пошёл ты! – слезы сами собой дырявили глаза. Бефальт в бешенстве отбежал к толпе и затерялся в ней. Марк переглянулся с Коррусом. Тот опустил глаза, светлые волосы выбивались из-под шапки. Обычно Бефальт всех злил своими выходками. Издевался над Микульпом, подкалывал Найшу за её приверженность правилам.

Непонятно когда Беф успел подружиться с Амадо. Он слишком близко воспринимал эту потерю. Марк думал, что хорошо успел выучить брата, но слепых пятне было ещё много. Возможно, и попали они сюда не случайно. На его памяти не было случаев, чтобы Бефальт с кем-то покупал вещи. Обычно этим занималась Лавия или он быстро выбирал самую незамысловатую одежду и бежал искать очередные неприятности на свою голову.

Внимание Марка привлекла одна вещь. Преступник голосил от боли. Прошло минут семь, и за это время он должен был задохнуться от угарного газа, но он оставался живым.

Странно. Люди всё подходили и подходили оставить свои сферы. Некоторые перелезали через ограду и тянулись с разных сторон. Стража сдалась и просто отошла. Огонь стал настолько большим, что больно даже подходить к нему, а бросить сферу невозможно – это требовало слишком много маны.

Наконец, Марк увидел его – младший из двух магов смотрел прямо на преступника и, еле заметно, держал руку в согнутом локте. Что он делает? Не похоже на естественную позу. Посмотрев внимательней, Марк подтвердил свою догадку. Так и есть, он поддерживает какое-то заклинание над жертвой. Он догадался. Это магия ветра.

Он создал пузырь воздуха над головой Сприта и тот смог дышать, но это только продляло его мучения. Вот что такое хандоро. Смерть от болевого шока при сожжении. Видеть, как сгорает твоё тело во всех подробностях, осознавая что пути назад нет.

– Пойдём, нужно найти Бефальта.

Брат стоял неподалёку от огромного костра и держал сферу в руках.

– Беф, идём.

– Я не смог.

– Без разницы, ну же.

– Там слишком жарко. Понимаешь?

– Я понимаю. Он уже сгорел. Дома ждёт Лавия. Забудь.

– Ты хотел сходить к Кунцу, – фаербол погас. – У меня не осталось маны, – он пошарил в карманах и показал обоим потускневший серый кристалл. – Ха.

Выкинул в костёр.

– Уже не важно, потом зайдём к нему. Сейчас нам нужно домой.

– Да, наверное.

Беф развернулся и молча пошёл за компанией. Позади щёлкали и шипели отсыревшие дрова. Дым, наверное, видно на километры вокруг. Выйдя с площади, они ощутили разницу температур. Стало прохладно. Они закутались в свои куртки и, шмыгая носом, топтали мокрую мостовую. За воротами их ждала грязь на пути в Альгус, но это не страшно. Ведь через неделю от водного удушья умер ещё один ребёнок.

* * *

– Вы какие-то неправильные дети.

Мужчина с залысиной опрокинул в себя бокал пива и вытер пену с губ о плечо.

– Тельма, дочка, повтори.

Получив женскую улыбку, он довольно крякнул и снова перевёл взгляд на собеседников.

– Угощайтесь.

Тарелка с орешками и гренками пододвинулась ближе. Марк и Коррус взяли себе несколько штучек и принялись хрумкать солёное угощение, запивая морсом из кишимицы. Саму жидкость они пили через деревянные тонкие трубочки, а сладкий осадок из ягод доедали уже ложкой.

– Дядя Кунц, всем страшно, потому мы и пытаемся узнать хоть что-то. – Коррус поднял ложку, высказывая эту мысль.

– Скажи как же, – Кунц икнул и вдруг растормошил волосы Гурга, – красиво заливаешь. Как там Лавия?

– Работает. Мы сейчас заканчиваем подготовку к зиме.

– Спасибо, солнце, – Кунц поблагодарил официантку и забрал бокал, – а у тебя как дела Гург? Всё продолжаешь заниматься на тех штуках?

– Ты про брусья и турник?

– Да-да, точно на них. Думаю на днях сделать такие же для своих парней. Они хоть и молодые, но кишка тонка тягаться со мной, – Кунц ткнул себя пальцем в грудь. – А мне пятый десяток скоро. Пусть тоже позанимаются. Наберутся сил.

– А может, не будем переводить разговор?

– Какие мы важные, – Кунц отпил с бокала и оставил на себе пенные усы, – Посмотрите на меня. Я в седьмой раз получаю «выстрел» на день рождения, – нижняя губа комично оттопырилась, спрятав верхнюю, – Назавтра у меня фуршет в поместье лорда Анарика, – Кунц забыл, что у него в руке бокал и сделал круговой жест, расплескав пиво. – Простите, что подаю орешки вместо золотой икры, – подмигнув Марку, он, как ни в чём ни бывало, опять приложился к пиву.

Марк улыбнулся, но за соседним столом были не в восторге.

– Дружище, аккуратней там.

– Виноват, – Кунц примирительно поднял руки вверх.

– Шут какой-то, – его товарищ оказался менее вежливым.

Кунц вытер губы и поставил кружку.

– Что-то не так? – он продолжал улыбаться, но Марк уже не ощущал веселья.

Полноватый мужчина, судя по всему, из торговой гильдии повернул изъеденную оспинами щёку к Кунцу и ответил, что всё в порядке.

«Щербатый», – так его окрестил Марк.

– Простите ребята, но я мало расскажу. Знаю, что надзор скоро снимут. Ведь этот урод два месяца прячется. И хорошо, – он слегка барабанил пальцами левой руки по деревянному столу, на безымянном недоставало фаланги. – Больше никто не умрёт. Говорят, мог уплыть в Сорк, – Кунц Маломе смотрел, как пена стекает на дно бокала.

– И что теперь будет?

– Ну, квонун и ребята из картеля точно уедут в столицу. Нам оставят несколько насуко для охраны.

– То есть, они сдались. – подвёл итог до этого молчавший Марк.

Кунц оторвал взгляд от бокала, посмотрев на русоволосого мальчика.

– Никто не сдался.

– Да ладно вам. Мы не скажем Бефу.

– Я немного знал мать Амадо. Мой сын уже давно вырос и покинул Рилган, а они с мужем долго не могли завести ребёнка, – рассказывал Кунц, – Сынишка родился одиннадцать лет назад. Через восемь лет умер Амадо-старший – попал в лесной пожар. И вот, через три года, сын.

Повисло небольшое молчание. Марк отстранил кружку с соломинкой. Есть больше не хотелось.

– Вы славные ребята, – похоже, он уже захмелел. – Держитесь друг друга и не давайте

Найшу в обиду. Вообще, никого не давайте в обиду. Вы поняли меня?

Оба кивнули.

– Вот и славно.

Он подал сигнал налить ему ещё. Марк и Кор переглянулись. Кунц увидел это и рассмеялся.

– Да не буду я напиваться. Кха-кха, – он откашлялся. – Что-то мы всё о дерьме каком-то и болтаем. Как будто хороших новостей нету.

– Вчера за Миком приходила мать.

– Ха, неужто проснулись родительские чувства?

– Нет, ей нужна была помощь при уборке крыши. Туда, вроде бы, дерево упало.

– А он что же?

– Бегал от неё весь день и прятался.

– Пха-ха.

– Она долго ругалась, но потом ушла.

– После того случая в "Оккапури" он зарёкся лазить по крышам.

Они все рассмеялись.

– Кстати, Гург. Я спрашивал немного ребят. Они сказали, что знают такого человека, что ты искал. Он купец. Фамилия Зоноф. Говорят, купил большую библиотеку.

– Здорово!

– Но не спеши радоваться. Это тот ещё фрукт, – Кунц мрачновато продолжил, – Зоноф не жалуют простых людей. Несмотря на то, что сами недолго в купцах. В торговую гильдию приняли их деда под конец жизни. Хороший был мужик. Держу пари, открой он лавку с дерьмом – от покупателей отбоя бы не было. Хватка торгаша. Чего не скажешь об отце и сыне.

Кунц сплюнул на пол.

– Мнят о себе невесть что. На деньги деда купили трёхэтажное поместье, свои повара, прислуга, кареты. У моего знакомого там невестка работает. Говорит жрут в три горла по пять раз на дню. Равняются на аристократию. Цацок накупили, – Кунц отпил небольшой глоток, прежде чем продолжил. – Она-то и сказала про библиотеку. Говорит отец накупил сотни томов, но ни разу не видела хозяев за чтением.

– А где это поместье? – Гург немного нагнул себя поближе.

– В сторону западных ворот. Если будет нужно, потом уточню.

– Дядя Кунц, ты лучший!

– Гург, я тебе сразу скажу – не ходи туда. Эта семейка ни с кем не церемонится.

– А ещё что-нибудь про них известно?

– Дай вспомнить, – Кунц поставил локоть на стол и опёр щеку, побалтывая пиво в кружке.

Марк придвинул ему орешки и подозвал Тельму.

– Тельма, можно ещё одно пиво?

– Конечно, нет, милая мордашка. Тебе ещё рано.

– Ты сегодня потрясающе выглядишь.

Марк почувствовал левой рукой упругие буфера официантки.

– Ты такой маленький, но уже знаешь, что нужно говорить женщинам, – она улыбнулась и, прижав к себе, поцеловала его в макушку.

Кунц бросил притворно-ревнивый взгляд на эту сцену, а Марк печально вздохнул:

– Теперь я точно сегодня не усну.

Все рассмеялись, даже немного покрасневший Коррус. Она отпустила Марка.

«Хоть какие-то профиты от детского тела», – внутренний дьявол захохотал.

– Это угощение для дяди Кунца.

– Хорошо дорогой, сейчас принесу.

Марк послал воздушный поцелуй, и Тельма ещё больше расхохоталась и ушла с пустыми кружками за стойку.

– Так держать, Гург.

Настроение Кунца заметно улучшилось, и тут он ударил ладонью о стол.

– Точно. Вспомнил! Сына зовут Жан и он как бы это сказать, – по лицу расплылась улыбка, — жиробас.

– Чего?

– Да. Говорят, эта неподъёмная туша даже на улицу выйти не может. Ему приносят жратву в постель.

«Ну, ничего странного, – подумал Марк. – В моём мире тоже было много страдающих ожирением. С весом в двести и даже в триста килограмм».

К ним опять подошла с широкой улыбкой Тельма. Она поставила бокал пива Кунцу и протянула Марку вторую кружку с морсом из кишимицы.

– Это тебе, за хорошее настроение.

Марк хотел ответить что-то в жанре флирта, но его прервали. Кружки и еда полетели на пол. Раздался звук разбитого стекла и женские крики. Они тут же повернулись на шум и увидели, как щербатый сносит свой стол. Кунц тут же поднялся и направился в его сторону. Марк и Кор не двинулись с места, но наблюдали за происходящим.

– Ты что творишь?

Кунц схватил за шиворот и потянул к себе щербатого, но его собеседник кинулся к руке вмешавшегося дяди.

– Я старший страж западных ворот, – грозный голос остановил мужчину. – Ещё один шаг и я расценю это как нападение.

– Вы не так поняли, – мужчина нервно тараторил. – Ему плохо!

Кунц развернул к себе лицом рябого. Тот держался за горло и хватал ртом воздух. Лицо покраснело, глаза слезились.

Марк сорвался со своего места и подбежал к мужчинам.

– Дядя Кунц, он поперхнулся!

Страж отпустил рябого и стал бить того по спине, но это не помогало.

В голове Марка щёлкнуло: «Приём Геймлиха¹¹», но мужик большой, а я маленький.

– Дядя Кунц остановись, – тот прекратил постукивания. – Обхвати его сзади руками за живот, – Марк показал на Коррусе, – и делай вот так, – он изобразил абдоминальный толчок, надавливая на нижнюю часть диафрагмы. – Вот тут дави на живот. Давай, быстрее!

Затем он развернул Корруса к себе лицом.

– Срочно беги за лекарем и веди сюда.

Тот кивнул и выбежал из заведения. Захмелевший Кунц не понимал, что ему нужно делать. Выглядело так, будто он трахает покрасневший труп.

«Чёрт, он не так делает!»

Мужик перестал двигаться, а Кунц всё продолжал делать толчки.

«Дурдом, – Марк бешено соображал, что делать. – Нужна трахеотомия¹², но у меня нет

инструментов и нечем стерилизовать рану, – все вокруг впали в ступор. – Это сейчас не главное».

– Тельма, срочно найди мне нож, – молчание.

Он подбежал к ней и крикнул прямо в лицо:

– Нож, ты слышишь? Принеси мне нож!

– Ах, да, – она очнулась и побежала за барную стойку.

Марк метнулся к их столику и вынул соломинку из морса.

– Кунц, прекращай. Клади его на пол!

Рябого быстро положили на спину и под голову сунули тряпку. Лицо уже было синее.

– Тельма, ну что там?

– Вот, только такой есть.

«Она издевается?! – Марк в панике посмотрел на измазанный в рыбе нож. – У него же будет сепсис! Что делать?»

Он резко встал, подбежал к барной стойке и перепрыгнул через неё. Там были бутылки с напитками крепче пива. Быстро выбрав парочку, он разбил одну из них о стену. Все тут же повернулись к нему. Перелез назад с «розочкой» в одной руке и целой бутылкой в другой.

– Гург, что ты...

– Потом дядя, не мешайте.

Марк откупорил вторую бутылку и облил стекло «розочки» спиртом.

«Боже, надеюсь, сработает, лишь бы не проткнуть артерию».

Присев на корточки он отступил пальцами ниже адамова яблока на шее рябого и нащупал перстневидный хрящ. Затем, потянул разбитое стекло к шее задыхающегося.

– Что он делает? — к одному из наблюдавших вернулся дар речи. – Он же убьёт его!
Остановите его, вы же страж!

Кунц неуверенно глянул на Марка. Тот умоляющее смотрел ему в глаза, давая понять, что он знает, что делает.

– Кто этот мальчик? Кто он такой?

– Уберите его отсюда!

– Позовите лекаря кто-нибудь быстрее!

Один из посетителей тут же выбежал. За ним отправилось ещё несколько, видимо не желавших быть частью происшествия.

Марка дёрнули за плечо и оттащили прочь. Он порезал себе руку стеклом. Потекла кровь.

– Я знаю что делаю, отпустите меня!

– Ишь ты, знает он. Как дам сейчас! Сосунок прирезать хотел уважаемого человека.

– Не хотел я никого прирезать, – Марк брыкался, пытаюсь вырваться. – Ему нужна помощь, отпустите. Он задохнётся!

Его ударил какой-то бугай в живот. В глазах потемнело. Теперь и он стал задыхаться от нехватки воздуха, упав на деревянный пол. Как же больно. Даже одного вдоха не сделать.

Слеза вытекла из глаза. Сверху в голову прилетел пинок. Его башка отпружинила от досок. Воздух, наконец, попал в лёгкие, но накатила боль от удара по голове. Он прижал к ней руки, чтобы смягчить следующий удар. Что-то горячее текло по руке. Это его кровь. Ах да, он же порезался. Весь испачкался. Сознание уже пришло в норму, левую руку щипало, но жить можно. Что с рябым?

Марк услышал, как что-то большое упало на пол. Кунц с разгона влетел в толпу и одним

ударом уложил его обидчика. От Марка отошли подальше, образовав полукруг.

– Ты как, сынок? – сильные мозолистые руки Кунца аккуратно подхватили Марка под голову. – Смотри на меня.

Марк сфокусировался и кивнул. Он никогда не видел Кунца таким. Весь хмель куда-то испарился и вместо обычного бахвалящегося пьянчужки, которого он знал, перед ним был сосредоточенный сдерживающий гнев опытный воин.

Кунц поставил его на ноги. Да уж, видок у него не ахти. Рука всё ещё кровоточит. Пол лица заляпано кровью. Сейчас не это важно. На полу в двух метрах всё ещё лежал умирающий человек.

– Кунц, нужно помочь ему, – он кивнул на тело и посмотрел в глаза стражника.

Тот хотел возразить, но что-то в решительном виде мальчика отодвинуло спор на второй план. Он достал из ножен короткий меч и повернулся к толпе.

– Если хоть один приблизится, будет иметь дело со мной.

Марк насколько мог быстро подошёл к рябому. И снова смочил «розочку» спиртом, а заодно и свои руки. Как же жжёт! Хорошо, что он правша.

– Забудьте о работе в страже. Вас обоих посадят за убийство, – сказал получивший леща от Кунца.

– Хочешь добавки?

Мужик с фингалом гневно зыркал глазками и бессильно водил желваками. Вот-вот зубы заскрипят. Неприятный тип.

Нужно сосредоточиться. Аккуратный разрез. Не задеть щитовидную железу. Он провёл стеклом по шее. Одна из девушек в толпе завизжала и отвернулась в страхе. Так, всё хорошо, теперь надавить, но не сильно, чтобы не проткнуть стенку трахеи сзади. Стекло плавно вошло внутрь. Соломинка. Марк вставил в образовавшееся отверстие соломинку и сделал в неё два вдоха. На него отовсюду таращили глаза. Кунц следил, чтобы никто не подходил.

– Смотрите! Он дышит!

Снова поднялся шум. Грудь рябого поднималась и опускалась. Цвет лица возвращал свой здоровый вид. Глаза открылись. Непонимающий взгляд и рука машинально потянулась к горлу.

– Лежите и ничего не трогайте, – Марк сверху посмотрел ему в глаза. – Опасность ушла, скоро придёт лекарь. Просто лежите.

Рука снова опустилась. Рябой утвердительно моргнул. Марк вздохнул и встал. Голова кружилась. Нужно остановить кровь. Запах железа пропитывал всё. Он оторвал кусок от своей одежды, промочил в горячительном напитке и обмотал левую руку.

Через пару минут явился Коррус с городским лекарем. Когда он увидел больного с трубочкой в шее, то удивился. Спросил, кто это сделал и удивился ещё больше, когда ему указали пальцем на шестилетнего пацана, вымазанного в крови. Чуть позже он ушел, оказав помощь обоим магией исцеления. Это был интересный случай в его практике и в будущем он не раз поведаёт эту историю своим коллегам. О том, как один смекалистый малолетний простолюдин, используя подручные средства, спас известного купца.

Глава 8

Время обеда. Солнце целует сквозь шторы. За окном слышны детские крики с площадки.

- Проснулся, соня?
- Доброе утро, мам. Папа уже ушёл?
- Уже полдень. Конечно он давно на работе.
- Пойду умоюсь.

За спиной слышны звуки ножа о деревянную доску. Сегодня будет суп, но так неохота ждать. В животе заурчало. Марк достал зубную щётку и выдавил пару капелек пасты – так учил отец.

Для чистки зубов полная полоска пасты не требуется. Компании производители наживаются на них, рекламируя сверхпотребление. Пошебуршав щёткой минуты три, он сплюнул в раковину.

Снова зубы кровоточат. Вода медленно смывала красное пенное пятно.

- Ты опять до утра читал?

С кухни донеслись звуки набираемой в кастрюлю воды.

- Ну мам, сегодня суббота. Завтра же не надо в школу.

Он вытер лицо, руки и оскалил зубы в зеркало, оценивая чистоту. Странно чистить зубы перед едой, ведь они снова станут грязными и надо их опять чистить. Или не надо?

- Я это каждый раз слышу. У тебя так круги под глазами никогда не сойдут.

- Мне и не надо, чтобы они сходили. Я буду выглядеть зловеще и утончённо.

С кухни раздался женский смех.

- Скажешь ещё. Ты будешь выглядеть как старый кот.

– Какой ещё старый кот? – он зашел обратно на кухню. – Это же как тени под глазами, разве нет? Мэйкап.

Марк взял со стола яблоко и впился зубами. Сок брызнул на нёбо и растёкся кислинкой по рту. Молодая мама стояла в фартуке у плиты и стаскивала с разделочной доски овощи в кастрюлю с водой.

Русое карэ обрамляло чистый овал лица. Спокойные добрые глаза обдавали синевой, губы играли лёгкой улыбкой. Сегодня она в хорошем настроении.

– В воскресенье поедem на рыбалку. Папа сегодня зайдёт после работы в «Рыбачок» за леской, прикормкой и ещё что-то там, я забыла.

Она опустила руку с ножом и, пытаясь вспомнить, вскинула глаза вверх.

- За крючками! В прошлый раз мы потеряли один, – подсказал Марк.

– Ага, да я так и сказала, – уперев руку в бок, она взмахнула ножом и снова повернулась спиной.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Купить полную версию книги - <https://knigoed.net/url/57m>

notes

ОХТА – Оперативная Хирургия и Топографическая Анатомия.

Тургор – эластичность, упругость.

Проприоцептивные галлюцинации – ощущение несуществующего в реальности движения в ногах, руках и любых других частях тела.

БЦЖ – вакцина против туберкулёза.

Нейромедиаторы – биологически активные химические вещества, посредством которых осуществляется передача электрохимического импульса от нервной клетки через синаптическое пространство между нейронами.

Деонтология – учение о проблемах морали и нравственности, раздел этики.

Постнатальный онтогенез – внеутробный период развития человека до самой смерти.

Эсперанто – искусственный язык созданный Лазарем (Людвиком) Марковичем Заменгофом в 1887 году, после десяти лет работы.

Гемофилия – редкое наследственное заболевание, связанное с нарушением коагуляции (процессом свёртывания крови).

Френдли фаер – (friendly fire)термин в комп. играх (чаще шутерах) когда можно вкл/выкл урон по своим.

Приём Геймлиха – процедура первой помощи, используемая для устранения закупорки верхних дыхательных путей.

Трахеотомия – если упрощённо – прокол трахеи.